

18+

МЕСТО | СИЛЫ

ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ

Василий Кристонов

Василий Кристонов

**Место Силы. Первый
уровень. Здравствуй, друг**

«Издательские решения»

Криптонов В.

Место Силы. Первый уровень. Здравствуй, друг / В. Криптонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-599294-9

Я проснулся в подземном комплексе, кишачем чудовищами. Мне быстро пришлось научиться защищать свою жизнь, а также жизни людей, которые мне доверились. Нам нужно пройти лабиринт до конца и отыскать Врата, которые приведут нас... куда? К свободе? К смерти? Этого мы не знаем.

ISBN 978-5-00-599294-9

© Криптонов В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Место Силы

Первый уровень. Здравствуй, друг

Василий Кристонов

Художник Ася Кристонова

© Василий Кристонов, 2023

ISBN 978-5-0059-9294-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0059-9295-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Здравствуй, друг!

Ты – один из многих, кто избран для исполнения великой миссии.

Ты этого не просил и наверняка считаешь это ошибкой.

Не важно.

Сейчас ты очнёшься в месте, которое будешь называть Местом Силы.

Здесь ты в относительной безопасности. Ты не погибнешь от ранений и восстановишься, даже если будет уничтожено 70% твоего тела.

Изучи это место. Пойми его правила. Прими оружие.

И выберись отсюда.

Удачи!

Я с трудом раздирал глаза.

Чувство было такое, словно трое суток готовился к экзамену без сна, сдал, вернулся домой, рухнул, вырубился, и через десять минут какой-то подонок меня разбудил. И хочется этому подонку врезать, а всё тело – как ватное.

Да и не будил меня никто. Просто как будто толкнуло что-то, и я начал просыпаться. А спал бы да спа...

Стоп.

Какое «спал»? Я ведь точно помню, как шёл в универ утром. Даже не то что шёл – бежал, потому что опаздывал. Там ещё в заборе в одном месте прута не хватает. Я-то худой, мне проскользнуть – как нефиг делать. Потом, правда, сквозь кусты ломиться. Поэтому я этой лазейкой пользовался только когда совсем время поджимало.

Вот как сегодня.

Я точно вспомнил ощущение того, как протискиваюсь между двумя холодными прутами, покрытыми старой облупившейся краской. Помню, подумал, что надо будет отряхнуться.

Но отряхнуться я не успел. Вылез, и – всё.

Дальше были только эти слова, будто висящие в пустоте.

«Здравствуй, друг!»

Жесть какая. Так ярко приснились, что до сих пор помню. Даже не то что помню – они будто в подкорку вжарились. Стоит подумать – и вот они, передо мной. С каких это пор у меня такое мощное воображение?

Наконец, веки получилось разодрать. «Песочек» остался, умыться бы.

В принципе, у меня не было обычая ночевать в каких-то левых местах, поэтому я ожидал увидеть изжелта-белый потолок своей комнаты в общежитии. Но что-то пошло не так, потолок оказался серым. Бетон?..

Стоп ещё раз.

Я ничего не помню, и я в какой-то бетонной коробке... Твою ма-а-ать... Я что-то принял, что-то сделал, и меня бросили в тюрьму?!

От этой мысли в кровь хлынул адреналин. Я рывком сел, тяжело задышал. Сердце гулко колотилось, глаза раскрылись так широко, что грозили выкатиться на пол. Бетонный потолок, серые стены. Дверь!

Сначала пришло облегчение: где бы я ни был – это не тюрьма.

Нет, я, конечно, не бог весть какой знаток эковских понятий, и чем отличается СИЗО от «обезьянника» представляю с трудом. Но одно с детства точно знаю: тюрем с открытыми дверями не бывает.

В комнате (с открытой дверью – это ведь уже не камера, а комната, да?) было темно, однако свет горел снаружи, в коридоре. Мертвенный холодный свет. Его хватало, чтобы оценить обстановку.

Я сидел на заправленной койке. Покрывало тёмно-коричневое, под ним – простыни, всё как полагается. Бетонные стены. В одной – что-то вроде зарешеченного окна, только высоко и оттуда доносится гул. Вентиляция?..

Стол, стул. Кажется, всё пластиковое, но из какого-то очень серьёзного на вид пластика, который не загниёт и не потрескается. Шкаф в углу. Зеркало на стене. Под ним – раковина, кран.

Сухо, чисто, тепло, ничего лишнего.

– Не понял, – тихо сказал я просто чтобы услышать собственный голос.

Голос прозвучал глухо, странно, но был вроде как был моим.

Я встал. Сердце, в бешеном темпе разогнав кровь по венам, успокоилось, перешло в режим повышенной готовности. Зато я больше не чувствовал себя мумией, которую забальзамировали, но забыли убить. К рукам и ногам вернулась... Ну, великой силой это не назовёшь, но я не чувствовал себя беспомощным.

Что бы со мной ни случилось, я был в своей одежде, в обуви, и на плече у меня висела моя кожаная сумка. Тяжеленная, пришлось тащить пару учебников. Но снимать её не хотелось. Вообще не хотелось что-то своё оставлять здесь и выпускать из виду.

– «И выберись отсюда», – процитировал я увиденные во сне буквы.

Во сне ли?..

Я подошёл к зеркалу, посмотрел на себя. Ну, я. Ничего особенного. Волосы спутались немного, расчёску бы... Расчёска в общаге валяется, где-то на столе. Далековато, небось.

Следующая мысль, которая пришла в голову – раздеться и осмотреть себя. Умом-то я, конечно, понимаю, что все эти байки про органлегтеров, скорее всего, тупо байки и есть. Сколько бы те органы ни стоили, по-моему, геморроя больше, чем профита. Хотя фиг его знает! В обычных условиях, так-то, люди в бетонных коробках не просыпаются.

Раздеваться, в общем, тоже особо не хотелось. Чёрт его знает, что за дверью ждёт. Всё-таки ассоциация с тюрьмой пока никуда не делась, а в тюрьме, по-моему, не лучшая идея – жопой светить.

Кстати насчёт «светить».

Я подошёл к двери и повернул выключатель. Белый – ну, скорее «цвета слоновой кости» – пластиковый выключатель. Раздался гул, и на потолке вспыхнул светильник.

Что именно там горит, я не разглядел, хотя звук подсказывал, что люминесцентные лампы. Но загорелись они сразу, без мерцания. Я видел только металлический короб с матовым экраном, который и светился. В отличие от коридорного света, этот был тёплым, уютным. Если вообще можно себя почувствовать уютно в спартанской камере без окон.

– Hi! – послышалось сзади, совсем рядом.

Вскрикнув и подпрыгнув, я развернулся, сжал кулаки. Сердце опять заколотилось, волосы, судя по ощущениям, встали дыбом.

Девчонка, стоявшая в проёме, отнеслась к этому философски, будто того и ожидала. Или видела такую реакцию уже раз триста.

– Hi, newcomer, – сказала она. – My name is Lin.

Мне потребовалось секунд десять, чтобы сообразить: она говорит по-английски. Потом – ещё столько же, чтобы понять, что именно она говорит. Слово «newcomer» поначалу вообще меня обескуражило, потом доехал, что имеется в виду что-то типа «новоприбывший», ну или, там, «новичок».

– Hi! – выдохнул я и заставил себя разжать кулаки. – My name is...

И вот тут странно затупил. Как будто в стену лбом упёрся. В смысле?! Я английскую мову вспомнил, а имя – не могу?!

– You don't have a name yet, – «обрадовала» меня Лин. – It's temporary. Don't worry. Follow me.

У неё были офигенные густые фиолетовые волосы длиной до пояса. Симпатичное, хотя и какое-то отрешённое лицо. Низкий приятный голос. На глаз – почти моя ровесница, может, помладше на год. Стройная, мускулы красиво очерчены. На ней была какая-то форма, типа спортивной – всё в обтяжку.

– Крепкая пятёрка по моей личной шкале, – пробормотал я на русском.

Лин широко раскрыла глаза и отлепилась от косяка, к которому привалилась в начале разговора.

– Ты русский? – спросила она на чистейшем, великом и могучем.

– Да, – сказал я, мысленно выдав себе щелбана. Что она теперь обо мне подумает? Что я всем девчонкам оценки ставлю?

– Су-у-упер, – протянула девчонка. – По моей шкале ты – на три с плюсом, но считай, что мы тебя взяли. Если пройдёшь Испытание, конечно. Пошли, чего встал!

Глава 2

– Слушай, а я вообще где? – спросил я, едва мы вышли в коридор.

Здесь опять накатили нехорошие ассоциации с тюремными интерьерами. Длинный коридор, под ногами снова пластик, на этот раз желтоватый. И – двери по сторонам. Все, кроме моей, закрытые. Моя оказалась в самом конце коридора, перед стеной.

– Это Место Силы, – сказала Лин.

– Хм, – сказал я.

– Что?

Она говорила с ленцой, даже не глядя на меня. Как будто о чём-то своём думала, и я её вообще не интересовал. Вот врезал бы, да жалко. Девчонок бить западло.

– «Что?» – передразнил я, решив хоть на словах дать выход внезапному раздражению. – А как сама думаешь – что? Я проснулся хрен знает где, ничего не понятно. Встречаю тебя, а ты отделиваешься от меня какими-то отговорками.

– А с чего ты взял, что я тут буду твоим проводником-наставником? – удивилась Лин.

Зато она на меня посмотрела. Повернулась на ходу и окинула взглядом с головы до ног. Будто заново переоценивала. Интересно, теперь-то я вытянул больше, чем на три с плюсом?

– Предполагается, что ты знаешь об этом месте больше, чем я, – процедил я сквозь зубы.

– Ну. И ты узнаешь.

– А сказать нельзя?!

– А смысл? Всё, что я скажу, ты потом всё равно будешь проходить сам. Извини, новичок, но я тебе тут ничем помочь не могу. Это не школа и не тюрьма, где надо разбираться, как себя вести, чтобы не оказаться у параша. Тут мы все в одной лодке. Не волнуйся, никто тебя не обидит.

От этих снисходительных интонаций врезать ей захотелось только сильнее, однако я сдержался. Мысленно повторил, что она говорила. «Всё равно будешь проходить сам». В каком смысле – «проходить»? В смысле, «учиться»? Нет, она ж сказала – «это не школа». Не «мимо проходить» же.

– Это что, типа какая-то игра? – выстрелил я наудачу. – Квест?

Вспомнился древний фильм, где людей похищали и сажали в какую-то комнату. Надо было переходить из одной комнаты в другую и так далее, преодолевая всякие ловушки.

Лин хохотнула:

– Ага. Точно – квест. Он самый.

Коридор закончился дверью. Лин навалилась на массивное и с виду тугое колесо, открывающее её. Я машинально дёрнулся помочь, но девушка справилась сама. Колесо провернулось легко и без скрипа. Так же открылась дверь. Стальная, с полтора кулака толщиной.

Если это квест, то, несмотря на очевидную древность локации, у создателей денег хватает. Даже не представляю, где можно такое найти и сколько может стоить разрешение проводить здесь всякие поигрушечки. Хотя о чём я? Какое, нафиг, «разрешение»? Что им, лицензию на похищение студентов выдали? Бред. Где бы я ни был, полиция об этом месте либо не знает, либо получает на лапу достаточно, чтобы молчать в тряпочку.

Так, а вот интересный момент!

Я, забыв посмотреть по сторонам, зашарил рукой в сумке. Но как только вытащил телефон, Лин стремительно ко мне повернулась.

– Дай сюда! – взвизгнула она.

Выватила телефон у меня из руки и швырнула в сторону.

Ещё до того, как упасть, телефон вспыхнул. Собственно, он даже не упал вовсе, просто в полёте выгорел дотла.

– Ещё что есть? – повернулась ко мне Лин. – Плеер? Электронная книга? Пауэрбанк? Наушники беспроводные? Соображай!

Соображать было непросто хотя бы потому, что от произошедшего я офигел. А ещё Лин буквально притиснула меня грудью к стене. Грудь, как я уже говорил, была на крепкую пятёрку.

– Это что такое было? – указал я пальцем в сторону, где принял безвременную кончину мой старый добрый яблофон. – Ты...

– Я тебе добрую услугу оказала. Здесь не работают технологии нашего мира. Даже хуже, чем не работают, они... Сам видел. А Место Силы пока ещё тебя не приняло. Прикинь, как бы ты завтра вышел на испытание с обожжённой до кости рукой?

– Знаешь, я б прикинул, если бы ты мне хоть что-то рассказала. Погоди... «Нашего мира»? Что ты имеешь в ви...

– Новичок, не вымораживай меня! – Лин отстранилась. – Когда я сказала про Место Силы, у тебя в голове ничего не щёлкнуло? Вижу по лицу, что щёлкнуло. Иначе и быть не может. Все видят «прописи» сразу, как переносятся сюда. Пытаешься придумать рациональное объяснение, да? Или надеешься проснуться в своей мягкой постельке с розовыми простынками? Завязывай. Чем скорее примешь правила игры – тем легче будет. Цепляться за прошлое смысла нет, теперь твоя жизнь – здесь.

– У меня не розовые простыни, – только и сказал я.

– У меня розовые. Были. Пошли.

Я чуть заметно тряхнул головой. Видимо, всё-таки заметно.

– Представляешь меня на розовых простынях? – сощурилась Лин.

– Не. Пытаюсь вспомнить, в каком году было восстание Спартака. Ты не помнишь?

– Ха-ха, остряк, – фыркнула Лин и повернула влево.

Мы прошли не через дверь даже, а через широкий проём, разделённый на три части двумя колоннами.

– Сортир, – указала Лин на дверь справа.

Я кивнул. Дверь казалась обычной, как в офисных зданиях. Даже ручка похожа. Изначально на двери не было никаких опознавательных знаков, но кто-то чёрным маркером нарисовал два разнонаправленных треугольника, намекающих на то, что пользоваться удобствами можно представителям обоих полов.

– Обычно всех туда тянет, – сказала Лин.

– Я необычный.

– Ну, хоть слёзки не льёшь – уже хорошо.

Несмотря на нарочито уничижительный тон, я чувствовал, что Лин ко мне проникается уважением. Или не уважением. Просто проникается. Я к её грубоватой манере тоже успел попривыкнуть, мне она даже нравилась. Раньше с такими общаться не приходилось. Вернее, были, конечно, девчонки, которые пытались из себя что-то вот такое строить. Но там слово грубо скажешь – и сразу обиделась принцесса. А эта ничего, нормальная.

– Раздевайся, – сказала Лин.

Н-да уж, «нормальная».

Нет, у меня с ориентацией всё в порядке, но что-то немного не та ситуация и не то настроение. Да и место, в котором мы оказались, до боли напоминает место общественное. Значит, сюда в любой момент может войти кто-то ещё. Как там, в том сообщении было? «Один из многих».

– Давай сначала ты, – сказал я.

– Слушай, остряк, а трахаешься ты так же бодро, как огрызаешься?

– У тебя есть только один способ это выяснить. Но в одежде неудобно.

Лин хихикнула.

Забавно, ещё один барьер пройден. Я даже не понял толком, где, почему и зачем нахожусь, а уже, кажется, обзавёлся подружкой. Не знаю, насколько это мне поможет. Но в любой ситуации лучше, чтобы красивая девчонка тебе симпатизировала.

Окинув помещение более трезвым взглядом, я заметил, что предложение раздеться возникло не на пустом месте. Собственно говоря, мы находились в месте, которое не могло быть ничем, кроме как раздевалкой. Я увидел ряд шкафчиков вдоль стены. Они были какие-то двойные – дверца сверху, дверца снизу. Судя по расположению ручек, верхний шкафчик открывался нормально, а нижний – как мусоропровод.

И – длинные низкие скамейки.

И – проход в отделанное плиткой помещение, которое явно было душевой.

– Ладно, – вздохнула Лин. – Просто сходи в туалет.

– Но я не...

– Сходи. В. Туалет.

– Слушай, если это какой-нибудь прикол, типа мне там на голову ведро помоев упадёт, или...

– Новичок, – перебила Лин, – я тебе уже сказала: здесь не тюрьма и не школа. Если тебе кто-то говорит, что делать, значит, понимать это нужно следующим образом: «Чувак, твоя жизнь для нас важна. Чтобы сохранить её как можно дольше – сделай то, что я тебе говорю». Чёрт, я могу просто свалить к себе в комнату и забить, мне даже проще. Ты всё равно рано или поздно захочешь в туалет и придёшь сюда.

Вот в последнем логика звучала железная. Подумав, я пожал плечами и подошёл к двери в туалет. Встал сбоку, открыл так, чтобы если оттуда чего выскочит или вылетит – пролетело бы мимо.

Ничего не вылетело. Лин закатила глаза и демонстративно отвернулась. Мол, смотреть на это не могу.

Стиснув зубы, я вошёл внутрь.

Сортир как сортир. Справа – пяток писсуаров. Слева – пяток кабинок. Всё обычное и привычное, как у нас в универе, только чище и совсем нет специфической для подобных мест вони.

Первым делом я открыл все кабинки и убедился, что внутри никого нет. Потом пристроился к писсуару.

В процессе пару раз нервно оглянулся через плечо. Никого и ничего.

Смыв сработал автоматически. Я застегнул ширинку и сделал шаг к выходу, когда меня будто ударило, и свет померк.

Здравствуй, друг!

Место Силы призвало тебя, а значит, ты начнёшь новую жизнь.

У тебя нет больше имени, это поможет тебе адаптироваться.

Но ты должен сам избавиться от всех напоминаний о прошлой жизни.

В раздевалке прямо сейчас открылся утилизатор. Ты сложишь в него всё, что принёс из своего мира. Одежду, нижнее бельё, вещи, аксессуары – всё. После этого ты примешь душ, и для тебя откроется твой шкафчик. В нём ты найдёшь минимум необходимой экипировки. Остальное узнаешь после.

Пока ты не избавишься от всего, шкафчик не откроется.

Не пытайся его взломать.

Не пытайся пройти дальше, пока шкафчик не открылся.

Попытка играть против правил закончится плохо.

Удачи!

Глава 3

Я вышел из туалета и, закрыв дверь, прислонился к ней спиной.

– Проникся? – тихо спросила Лин. – Знаю, сама так же стояла и офигевала.

– Лин, что это за хрень? – прошептал я. – Это же какой-то идиотизм.

– Ничем порадовать не могу. – Лин присела на скамейку и уставилась куда-то в сторону. – С нами, по крайней мере, честны. Честно говорят, что домой мы уже не вернёмся.

– Кто говорит? – простонал я. – Буквы в голове?!

– Это не просто буквы в голове. Они как бы привязаны к определённом месту. Когда ты там оказываешься, и если ты всё сделал правильно, то на этом месте ты получаешь сообщение, – внезапно разразилась Лин целой поясняющей речью. – Сообщения у всех одни и те же. Инструкции о том, что и как делать. Простые и понятные. Так что ты был близок: это действительно немного напоминает игру. Квест.

– А вот ты сразу не могла нормально объяснить? – Я, за неимением более подходящего объекта, начал злиться на Лин. – Развела загадочность.

– Новичок, я не дура. – Лин не обиделась. – Пару раз видела, как пытались сходу инструктировать новичков. Ничем хорошим это не заканчивалось. Тот, кто всё это устроил, может, и конченный мудака, но он, по крайней мере, сделал такую систему, при которой ты более-менее спокойно ходишь и разбираешься в ситуации. Без пояснительной бригады. Пока ты не будешь готов, на тебя не нападут.

– «Нападут»? – Я сделал шаг от двери. – Я думал, мы тут все в одной лодке.

– Все, в одной, – кивнула Лин. – Я не сказала, что на тебя нападут люди.

– Ч... Чего?! – выпучил я глаза.

Лин закрыла себе рот ладонью. Тут же её опустила.

– Всё. Больше ни слова. Серьёзно, новичок, не беги впереди поезда.

– А ты можешь не называть меня новичком?

– Смогу, как только ты утилизируешь шмотьё и получишь новое имя.

Лин указала подбородком в сторону шкафчика. Я посмотрел туда. Как и обещали буквы в голове, дверца «мусоропровода» под восьмым шкафчиком справа открылась.

– Я отвернусь, – пообещала Лин.

– Да уж сделай одолжение, – буркнул я.

Как же это было тяжело...

Просто взять – и сбросить в утиль всё. Одежду. Сумку. Всё! Остаться ни с чем.

– Чего залип? – спросила Лин.

Она честно сидела ко мне спиной.

– Смеяться будешь, – сказал я.

– Да я уж поняла, что с тобой весело. Говори. Чего у тебя там? Фотка любимой девушки? Медальон с локоном матушки?

– Хуже, Лин. Учебник по старославянскому и хрестоматия древнерусской литературы. Библиотечные.

Лин прыснула и согнулась пополам. В этот раз я её развеселил уже по-настоящему. Самому только не до смеха было.

– Господи боже, ты что – филолог?! – воскликнула она, отсмеявшись.

– А что, мне нужно за это оправдываться? – мрачно сказал я.

На филфак я поступил, как это ни тупо – на спор. Когда учился в выпускном классе, у меня была подруга с филфака. Любила повыпендриваться, мол, не только лишь все могут. Я в итоге предложил пари...

Ну, собственно, на том отношения и закончились. Когда я как нефиг делать, даже толком не готовясь, поступил в лучший универ города, подруга перестала со мной общаться. Я же изначально хотел семестр повалять дурака и перевестись на программирование, но как-то слово за слово... Да и двадцать девчонок на трёх парней – расклад интересный. И потом, не всё ли равно, какую фигню ты будешь изучать в универе, если зарабатывать потом будешь такими методами, о которых сейчас никто даже не догадывается?

– Да нет, – смутилась Лин. – Я просто сама – с ин-яза.

– А, – кивнул я. – Вот откуда инглиш знаешь. А почему ты по-английски со мной заговорила изначально?

– С тех пор, как я здесь, сюда заносит либо америкосов, либо... Либо не америкосов. Но в любом случае английский на уровне «моя твоя понимать» почти все знают, а обращаться на русском к японцу – затея изначально конкретно провальная. Русских не так много. У нас пятёрка – русские в основном. Один американец, брешет, что из Нью-Йорк сити. И одно место вакантное. Хотя тут у многих вакантное место, так что сможешь выбрать.

Я не стал задавать вопросов, памятуя о том, что говорила Лин. Постепенно со всем разберусь. Может, и правда так будет лучше.

В жерло утилизатора улетела сумка. Жалко, крутая была... На день рождения родители подарили. Потом – ветровка. Футболка. Кроссовки, джинсы. С трусами я помедлил. Блин, ну трусы-то мне как помешают адаптироваться к новой жизни?! А, ладно, фиг с ним! Я положил в утилизатор и трусы. Взялся за ручку...

– погоди, не закрывай, – сказала Лин. – Хорошо подумай. Ты в комнате ничего не выкладывал? Ничего не оставлял?

– Нет, – уверенно сказал я, вспомнив, как меня ломало даже от мысли о том, чтобы снять и положить на стул сумку.

– Точно? Просто если ты сложил в утилизатор не всё, то шкафчик не откроется, и тебе придётся идти голым обратно в комнату, искать, что забыл. Не то чтобы это проблема, просто тебе может быть неприятно.

– Лин, я всё сложил, точно.

– Тогда закрывай и иди в душ. Мыло там же, вода включается автоматически.

Выдохнув, я закрыл дверцу. Прислушался. Ничего. Ну, как будто бы гудение, которое, кажется, фоном присутствовало здесь во всех помещениях, на пару секунд стало громче.

И – всё.

Я подёргал ручку. Фиг там, как будто заварено. Окей, идём дальше... Маразм полный, но так действительно легче. Шаг за шагом, тебя подталкивают в нужном направлении, никаких неожиданностей.

Впрочем, про «никаких неожиданностей» – это я поторопился.

Здесь было пятнадцать душевых кабинок. Я выбрал одну произвольно, прикрыл за собой дверь. Тут же на меня хлынула с потолка вода. Сразу – тёплая, в самый раз.

Сквозь струи я разглядел в стене крохотный краник и рядом с ним кнопку. Подставил ладонь, нажал – в руку потекло густое мыло.

Я сперва намылил волосы, потом выдавил ещё мыла, и тут почувствовал, что сзади меня кто-то есть. Резко обернулся, готовясь встретить удар, но вместо удара ощутил поцелуй.

Это была Лин. Она вошла под душ и буквально вцепилась мне в губы, обняла, прижалась. Я одной рукой машинально обнял её в ответ. На ней всё ещё была та униформа.

Лин схватила другую мою руку, положила себе на грудь. Рука каким-то образом оказалась под тканью.

Эта сцена в душе продолжалась секунд пять, не больше, потом Лин отстранилась. Сквозь потоки воды и мыла, заливающие глаза, я едва сумел разглядеть, как она запахивает одежду на груди.

– Добро пожаловать на борт, новичок, – хихикнула она и выскочила из кабинки. – Встретимся утром, в столовой!

Выходка Лин совершенно выбила меня из колеи. Что это вообще было? И зачем? На озабоченную, которая кидается на первого попавшегося парня, она не похожа. Да и если бы была озабоченной – не остановилась бы так быстро.

Я закончил с душем, вышел из кабинки. Блин, а полотенце они не предусмотрели. Кем бы ни были эти «они».

Босыми ногами я прошлёпал по тёплому полу, выглянул в раздевалку. Пусто. Лин не видно. Кольнуло разочарованием.

Зато дверца моего шкафчика оказалась открыта. И внутри первым делом я увидел белоснежное пушистое полотенце. Стоило его коснуться, как опять потемнело в глазах.

Здравствуй, друг!

Ты прошёл первую ступень посвящения.

Теперь у тебя есть одежда и личные вещи.

Ты сможешь принимать пищу в столовой.

Ты получил право пройти Испытание.

Но самое главное – ты обрёл Имя.

Тебя зовут Крейз.

Ранее это имя носил величайший воин моего народа. Постарайся не опозорить его.

Ты живёшь в комнате 15, коридора 4, третьего яруса.

Кроме тебя в коридоре живут 14 человек.

Это – твои соседи, постарайся с ними подружиться.

В ближайшее время эти люди станут твоими друзьями.

Пройдя Испытание, ты познакомишься с людьми, которые станут твоей семьёй.

Удачи!

Глава 4

Одежда в шкафчике выглядела точно так же, как форма Лин. По ходу пьесы, тут мальчиков от девочек особо не отделяют. Душевая, вон, судя по всему, общая. Ну, хоть кабинки раздельные – и то слава богу.

Я натянул униформу. По ощущениям было – как трико и водолазка. Так я их про себя и обозвал. Блин, неудобно в обтяг-то... Но в шкафчике вроде ещё что-то есть. Не успел я этого «чего-то» коснуться, как в глазах опять потемнело.

Здравствуй, друг!

То, что надето на тебе сейчас – твоя вторая кожа.

У тебя будет время и возможность выяснить, как она работает и для чего служит.

Постарайся не снимать её без крайней необходимости.

Ткань отводит от кожи выделения, так что мыться ты можешь в ней. Очень скоро ты перестанешь её замечать.

Поверх второй кожи можно носить любую одежду.

Я вытащил из шкафчика «любую одежду». Это было уже что-то более-менее привычное. Брюки, куртка из чего-то, напоминающего хлопок. Здесь были карманы, молнии, пуговицы. И хотя во всём этом я стал сам себе напоминать охранника из супермаркета, от сердца отлегло.

Всё-таки не очень приятно ходить в обтяжку, будто циркач какой-то или балерин... болеро... Не помню, как там правильно мужик в балете называется.

А Лин я, получается, по сути дела, видел совершенно голой? И она в таком виде спокойно тут ходит, с новичками знакомится? Очень интересно... Зато немного понятно, почему душевые общие. Если все моются во «второй коже» – так и скрывать особо нечего.

Ещё в шкафчике оказались «носки» из такой же «второй кожи» и ботинки. Ботинки успешно довершили образ охранника. Тяжёлые такие, серьёзные «говнодавы» с высокими берцами. Пару лет назад я от такой обуви тащился, но с тех пор чуток поумнел и понял, что если ты в грязи по ноздри марш-броски не бегаешь, то кроссовки решают. Даже зимой. Ну что ж, видимо, тот, кто здесь всё оборудовал, считает иначе.

Когда я закончил экипироваться, в шкафчике остались только фуражка и перчатки. Перчатки я рассовал по карманам, а фуражку повертел в руках и бросил обратно. Нафиг, не моё. А то правда на какого-то солдафона похож стану.

Закрыв шкафчик, я задумался. Ну и что, собственно, делать? Тут, по всем признакам, глухая ночь. А я-то едва проснулся. Выбежал из общаги, опять вырубился... Сна ни в одном глазу. Да и состояние немного не то, чтоб спокойно спать.

Я пошёл обратно к себе – дверь послушалась меня не так легко, как Лин, пришлось попытеть, крутя колесо. Это что, она настолько сильнее меня? Или просто приноровилась? Ладно, разберёмся. Со всем разберёмся. Потихоньку.

В комнате не появилось ничего интересного. Я повесил влажное полотенце на спинку стула. Потом попытался заглянуть за решётку вентиляции. Пришлось встать на тот же стул и приподняться на цыпочки.

Ничего не увидел. Что-то там, вдалеке, гудело. Что-то дуло. Никакого запаха, ничего. Окошко узкое. Вряд ли имеет смысл пытаться сбежать через вентиляцию, как в кино. Вот прям сердце подсказывает – добром не кончится. Как минимум, я там застряну практически сразу.

Я спрыгнул со стула, огляделся ещё раз и решительно вышел наружу. Никто ведь не запрещал мне исследовать территорию. Буквы в голове ничего такого не говорили. Говорили, что я могу принимать пищу в столовой. А я, между прочим, был бы весьма не против

принять пищу. Позавтракать толком не успел. Из-за шока было поначалу не до того, но теперь, кажется, наступила вторая фаза. Значит, пройдем дальше душевой.

Дальше душевой обнаружился тёмный зал. Я включил свет, оглядел его. Пустой абсолютно, никаких признаков, по которым можно было бы определить назначение. Ладно.

Выключив свет, отправился дальше, открыл ещё одну тяжёлую дверь. И оказался, как мне сначала показалось, на балконе. Я подошёл к перилам, посмотрел вниз. Потом покрутил головой по сторонам, хмыкнул. Звук разнёсся неожиданно громко, и мне сделалось не по себе.

Здесь, наверное, горело какое-то особое, ночное освещение, благодаря чему цилиндрический зал был погружён в полумрак. Тихо, жутковато. Но, кажется, я пришёл правильно. Внизу стояли длинные столы и лавки, как в школьной столовой.

Стол�ы пустовали.

Вообще-то логично. Если ищешь ночью еду – надо искать кухню, а не столовую. В столовую как приносят, так и уносят. Ну, разве что на полу какой-нибудь огрызок завалился, но я не настолько голоден, чтобы проверять.

Я стоял на третьем ярусе. Всего их было пять, если считать самый низ за первый ярус. Перила тянулись по периметру каждого яруса – кроме нижнего, снизу падать было некуда. Всё это опять вызвало ассоциации с тюрьмой из какого-то американского фильма. Только камер не было. Были двери с металлическими колёсами, такие же, как та, через которую я вышел.

Насколько я смог понять, на каждом ярусе, кроме первого, было по четыре таких двери. Если предположить, что все коридоры одинаковые... Ну-ка, филфак, поумножаем в уме! В одном коридоре – пятнадцать человек, помножить на четыре – это шестьдесят. Ещё на четыре – двести сорок. Обалдеть...

Моя дверь оказалась ближе всех к лестнице – хорошо, легко запомнить. Я спустился по металлическим рифлёным ступенькам. Старался ступать тише, но боты грохотали как надо. Днём, когда здесь галдят двести сорок человек, наверное, никто и внимания не обратит, а ночью...

Впрочем, я ни от кого не прячусь. Никаких правил поведения толком мне не дали, а значит, я ничего и не нарушаю.

Я подошёл к одному из столов, потрогал его – такой же пластик, как в комнате. Столы занимали не всё пространство, большая часть пола оставалась свободной. Эта пустота напомнила мне то странное помещение, которое встретилось по ходу коридора.

– Ладно, – сказал я вслух, чтобы подбодрить себя. – Где-то здесь должна быть кухня...

Здесь, внизу, дверей было больше, но они отличались от тех, что наверху. Были какие-то более хлипкие, что ли. И никаких задвижек на них не видно. Изнутри открываются?

Одна, впрочем, выглядела так же, как верхние. С таким же колесом. Ну, была не была – попробую.

Я пересёк пустое пространство, положил руку на колесо и уже приготовился было его повернуть вправо, когда сверху раздался тихий спокойный голос:

– На твоём месте я бы не стал этого делать.

Я резко повернулся, зашарил взглядом в поисках источника голоса. И обнаружил что со второго яруса что-то свешивается. Успел только сообразить, что это – две ноги. Кто-то сидел наверху, просунув ноги между прутьями (как они правильно называются – балясины?) и беззаботно ими болтал.

А в следующий миг что-то с ужасающей силой ударило в дверь с той стороны и заревело.

Я знал, какой толщины должна быть эта дверь. И представлял, как она должна глушить звуки. Насколько же громко ревет эта тварь там?!

Меня будто отбросило от двери, я сам не заметил, как оказался в двух метрах от неё. Нечто с той стороны продолжало реветь и колотить, но уже с меньшим энтузиазмом. Как будто почуяло, что я далеко, и теперь просто психовало, упустив добычу.

Я поднял взгляд. Теперь можно было рассмотреть сидящего на втором ярусе. Это был азиат, как и все азиаты – совершенно непонятного возраста. Одет точно так же, как я. Не побрезговал и фуражкой, только нацепил её набекрень, и всклокоченные чёрные волосы торчали из-под неё в разные стороны.

– Что это такое? – спросил я, указав дрожащей рукой за дверь.

Азиат ел батончик, челюсти его непрестанно двигались. Но как только я задал вопрос, он перестал жевать и прислушался к звукам и ворчанию за дверью.

– Шатун, – спокойно сказал азиат. – По-вашему.

– По... нашему? – И тут до меня дошло, что мы говорим на русском. – А. Ты – типа, тот редкий японец, который знает русский?

– Да тут скоро и ты полиглотом станешь, – усмехнулся японец. – Здесь мозги начинают иначе работать. Все слова, что слышишь, мгновенно запоминаются. В принципе, часок поболтаешь с любым – и считай, что разговорный уровень у тебя в кармане. С любым можно заговорить на любом языке – тебя поймут. Проблемы с пониманием только у новичков – и то не долго.

– Это как так?

– Как-то так. – Японец говорил с лёгким неуловимым акцентом, чуть медленнее и чётче, чем надо, произносил все звуки. – Если тебя это удивляет, поверь на слово – завтра у тебя появится в сто раз больше причин для беспокойства.

Многообещающе. Впрочем, угрозы в голосе азиата не слышно. Уже хорошо.

– Тебя как зовут? – спросил я.

– Сайко. А тебя?

– Меня – Крейз.

Я впервые произнёс вслух своё новое имя. Прислушался. Ничего так прозвучало. Уж получше «Сайко».

– Крейз! – фыркнул Сайко.

– Ничего смешного. Это имя носил...

– ...величайший воин моего народа, – подхватил Сайко. – Постарайся не опозорить его. Знаю, друг. Ты, вроде, еду искал? Вот. Хочешь протеиновый батончик? Ничего другого не найдёшь, кухня закрыта до утра. Вот тебе бесплатная мудрость: если любишь перекусить ночью – делай припасы днём. Как тебе?

– Как мне что? – спросил я и поймал сброшенный батончик. – Спасибо.

– Пословица, которую я только что сказал. Мне кажется, очень красиво звучит на вашем языке. Почему бы не сделать её... крылатым выражением?

Я мысленно повторил «мудрость» про ночной перекус и припасы днём, пожал плечами:

– Так себе. У нас другая есть, на ту же тему: «готовь сани летом, а телегу – зимой».

– Ай, опять эта телега! – поморщился Сайко. – И что она вам всем так сильно нравится?

– Да нам вообще по барабану, – признался я. – Мы так не разговариваем.

Батончик интересовал меня больше этого разговора. Он был завернут в простую серую бумагу. На вкус – как протеиновый батончик. С орехами. Слопал я его за несколько секунд, желудок только поворчал, что мало.

– Первое время будет постоянно хотеться есть, это адаптация, – сказал Сайко. – Через неделю привыкнешь.

– А мы здесь вообще надолго?

– Да можем хоть завтра уйти, – усмехнулся Сайко.

– И-и-и... что нас останавливает?

– Конкретно тебя, Крейз, останавливает тот шатун, что беснуется за дверью. О, да их уже двое... Кажется, этой ночью ты тут не единственный новичок. Но уж совершенно точно – самый любопытный.

Я на несколько секунд отвлёкся, уставился на дверь, за которой рычали теперь на два голоса.

– Что за «шатун»? – спросил я, подняв голову.

Спросил у пустоты. Сайко там не было. Я не слышал сверху ни звука, не слышал, как хлопала дверь. А ярус был совершенно пуст.

Сайко исчез так же внезапно, как появился.

Глава 5

В темноте что-то ворочалось, глухо, утробно рыча. Что-то огромное, оно шевелилось и шевелилось. Я не мог его разглядеть, только интуитивно чувствовал, как оно *разворачивается* и *расправляется*. Как будто речь шла о гигантской змее или драконе.

Тот миг, когда оно закончило *разворачиваться* и уставилось на меня, я почувствовал. В этот миг стихли все звуки. Затишье перед грозой...

Тишина, темнота и пустота бросились на меня, схватили, завертели, будто в стремительном водовороте. Я закричал и проснулся.

Обнаружил себя на кровати. Как прилёг ночью – в полном обмундировании – так и уснул, сам не заметил. И приснилась какая-то дичь.

– Guten Morgen, – слышалось от двери. – Wollen Sie Bettwäsche abgeben?

– Чё?! – уставился я туда.

Дверь я на ночь не закрыл. Долго колебался, но всё-таки решил, что вряд ли этот неведомый шатун прорвётся сюда, а отсекал себя от цивилизации как-то не хотелось.

Вообще, было неприятно сдаваться так сразу. Признавать вот эту коробку – своим домом. Закрывать дверь. Расстлать постель.

В дверях стоял пацан с контейнером на тележке. Смотрел на меня безо всякого интереса. На глаз ему было лет шестнадцать.

– «Чё»? – переспросил он. – Россия? Русский?

– Ну да.

– Я спросил, будешь ли сдавать постельное в стирку? Смена три раза в неделю.

– А – нет, – мотнул я головой. – Я ещё даже не расстилал...

Но пацану, кажется, после «нет» стало резко не интересно. Он развернул тележку и пока-тил прочь. А у меня в голове внезапно будто пропечатались, выжглись слова неизвестного – видимо, немецкого – языка. Ну, «гутен морген» – это все знают. Но теперь я могу спросить у кого-нибудь, будет ли он сдавать постельное бельё. Искренне надеюсь, что мне это не понадобится, однако было интересно получить подтверждение того, что говорил Сайко. Этак действительно можно любой язык выучить на уровне носителя... Ну, если не за часы, то за считанные дни.

– Эй, новичок! – В проёме нарисовалась Лин. – Как прошла ночь?

– Как ночь, – буркнул я.

Лин была в такой же «форме охранника», как и я. Видать, во «второй коже» только по ночам шарашится. Может, эксгибиционистка тайная. Я, в общем-то, не против. Но только хотелось бы прояснить вот эту вот сцену в душе. Прояснить – и докрутить уже до победного. А то фигня какая-то получается, так дела не делаются.

Господи, о чём я думаю?! Сiju хрен знает где, непонятно зачем, с перспективами – мрачнее некуда. А думаю о паре сисек. Ну, а с другой стороны, о чём ещё думать? Пищи для размышлений на более серьёзные и животрепещущие темы мне никто не подкинул.

– Пойдём, покажу тебе столовую, – улыбнулась Лин. – Хотя там сложно заблудиться.

– Знаю, я уже был там ночью.

С лица Лин сползла улыбка.

– Ты там ничего...

– Дверь не открывал, – перебил я, сообразив, что её может волновать. – Что это вообще за хрень была?

– А что там было?

– Не знаю... Что-то колотилось в дверь, рычало. Сайко сказал – шатун.

– Ну, если Сайко сказал – значит, шатун и есть.

– Да что такое шатун?!

– Пошли в столовую, всё увидишь сам.

Ворча, я слез с кровати и поправил форму. «Увидишь сам», блин... Ладно, айда смотреть.

– А что это за пацан, который хотел забрать бельё? – спросил я.

– Обслуживающий персонал, – откликнулась Лин. – Как бы там ни прошло твоё испытание, относиться к ним нужно с уважением, ясно?

– Ясно. А он, в смысле, местный?

– Он попал сюда так же, как и ты.

– погоди. – Я поймал Лин за руку, когда она уже собиралась выйти в коридор. – Это что, я тоже буду ездить по коридорам с тележкой и собирать бельё?!

– Всё будет зависеть от твоего Испытания. – Лин выразительно посмотрела на мою руку. Я заметил, что, кажется, сжал её предплечье слишком сильно и отпустил. Лин чему-то усмехнулась и сделала мне жест – мол, следуй за мной.

Все двери в коридоре были открыты. Заглянув в ближайшую, я увидел там обслуживающего пацана. Он заталкивал в контейнер постельное бельё. Блин. Да ну нафиг. Попасть в пусть и стрёмный, но параллельный мир и менять бельё в каком-то там бункере? Да щас, разбежался. Нет уж, пофигу мне на испытания.

– А какие ещё работы есть? – спросил я.

– Готовка, уборка, стирка, – рассеянно сказала Лин. – Какая тебе разница?

– Я так понимаю, мне в любом случае придётся работать?

– Если ты настроен завалить Испытание – тогда да.

– А если не завалю?

– Тогда включайся в нашу пятёрку. Будет круто, обещаю!

Лин на ходу повернулась ко мне и хитро подмигнула. Как можно было в одно подмигивание вложить напоминание о сцене в душе и намёк на продолжение? Девчонки – загадочные существа.

– Всё это какую-то разводку напоминает, – заметил я.

Остальные комнаты были пусты. Их никто не закрывал, уходя, и я, кажется, понимал, почему. Все, кто пришёл в это место, избавились от своих вещей. А всё остальное было у всех одинаковое. Не было смысла что-то скрывать, прятать. Дверь оставляли открытой для прислуги.

– Не напрягайся раньше времени, – сказала Лин. – Хочешь – иди в любую другую пятёрку. Лично тебе разницы никакой, ты в любом случае покупаешь кота в мешке. Но даже если я потрачу час, чтобы рассказать тебе про все сильные и слабые стороны каждой из пятёрок – это тебе ничего не даст. Попадёшь, куда попадёшь, и уже по месту будешь разбираться. У нас четверо русских, новичок, больше тебе нигде таких раскладов не пообещают.

– Меня, кстати, Крейз зовут.

– Круть, звучит. Откроешь дверь, Крейз?

Лин кивнула на колесо.

Вчера она сама открывала. Ну, ладно... Я пожал плечами, взялся за колесо и, памятуя о том, какое усилие потребовалось вчера, навалился на него. Колесо подалось с неожиданной лёгкостью, дверь распахнулась, и я едва не упал через порог. Собственно, колесо и выручило – я на нём повис.

Ожидал, что Лин засмеётся – ничуть не бывало.

– Пошёл процесс, – сказала она. – Короче, об этом тебе нигде не расскажут, в прописях такого нет. Поэтому тут немного помогу. Эта «вторая кожа» на тебе – что-то вроде симбионта. Не знаю, насколько оно живое, да и знать не хочу. Делает массу полезных вещей. В частности, занимается перераспределением силы. Со временем научишься это бессознательно регулиро-

вать, пока – так. Тебе было нужно открыть дверь, и вся сила сосредоточилась в руках. Открыл быстро, а ноги ослабли, подкосились. Дошло?

– Это ж чушь! – вырвалось у меня. – В смысле, «перераспределение силы»? Как такое технически возможно? Да фиг с ним с «возможно», как это хотя бы вообразить?

– Здесь многое работает не так, как ты привык, – невозмутимо ответила Лин. – «Кожу» пока не снимай вообще. Чем дольше носишь – тем быстрее адаптируешься. Идём уже!

В столовой былолюдно, но всё-таки двести сорок человек никак не набиралось. На меня никто толком не смотрел. Лин за руку потащила меня к одному из столов и буквально толкнула на скамейку.

– Всем доброго утречка, – сказала Лин и указала на меня большим пальцем. – Это Крейз, новенький. Сюрприз-сюрприз, он русский.

– Да ладно?

– Серьёзно?!

Я почувствовал себя неуютно. На меня уставились трое парней. Один был даже не сказать чтоб «парнем», скорее – мужиком. Я бы легко представил его в форме десантника, гнущим вокруг собственного бицепса лом. Лицо тоже было свирепое. Такому лучше на пути не становиться.

Здоровяк сидел напротив меня, рядом с ним – парень моего возраста. Только если я был худым, то этот был натурально тощим. Когда он потянулся за хлебом, и из рукава высунулось его запястье, я подумал, что это обман зрения. Буквально кость, туго обтянутая кожей. Без намёка на мышцы. Господи, да на него дыхнуть-то страшно – вдруг развалится...

Эти двое выразили по моему поводу воодушевление. Даже здоровяк, несмотря на чудовищную рожу, казался заинтересованным. А вот парень слева от меня пренебрежительно фыркнул:

– Russian! Again.

Я повернул к нему голову. Интуиция подсказала, что нужно на это ответить.

– Have a problem with it? – спросил я, без всякой уверенности, что меня поймут.

Язык я учил и знал неплохо, но разговорной практики не было. Читал только.

– Да ну, – опять фыркнул парень. – Какие проблемы, брат.

И подхватил на вилку здоровенную макаронину, забитую фаршем. Я проглотил слюну и сосредоточился на своей тарелке. На питании тут, похоже, не экономят – уже хорошо.

– Ладно, давай я тебя познакомлю, – сказала Лин.

– Может, не будешь торопиться? – прервал её здоровяк. – Не забивай парню мозги раньше времени.

– Эта гора мяса – Минк, – не вняв совету, сказала Лин. – Дриц рядом с ним – Киао, а вон тот хрен, который вечно пытается строить из себя невесть что – это наша краса и гордость, Дуайн. Меня ты уже знаешь.

– Приятно познакомиться, ребята, – сказал я с набитым ртом. – Как дела? Чем занимаетесь?

Минк и Киао переглянулись. Дуайн фыркнул.

– Пока – ничем, – сказал он. – Как видишь, нас четверо.

– Фигово, – посочувствовал я.

– Не уверен.

– Дуайн, – предостерегающе сказал Минк.

– Что? – вскинул голову Дуайн. – У нас появились запретные темы?

– Крейз – новичок.

– И что? Для начала дадим ему розовые очки, а иначе он развернётся и уйдёт?

Не получив ответа на это бредовое предположение, Дуайн подвинулся ближе ко мне и дружелюбно толкнул локтем:

– Минк не любит, когда я начинаю разлагать... Эй, Минк, чего я там разлагаю?

– Морально разлагаешь отряд, – буркнул Минк, пытаясь проткнуть вилкой макаронину.

– Вот, да, – кивнул Дуайн с таким видом, будто ему напомнили о каком-то великом достижении, которым он очень гордится. – Но я просто хочу посмотреть на вещи реально. Здесь у нас есть еда, вода, мягкие койки, туалет и душевые кабинки. Что будет там, – показал он вверх пальцем, – никто не знает. Туда многие уходили. Оттуда – никто не возвращался.

– Интересно, за каким хреном им было бы возвращаться? – проворчала Лин. – Это такая же тупость, как сдать экзамен и попроситься на пересдачу.

– Я не то имею в виду, и ты меня прекрасно понимаешь! – сказал Дуайн. – Мы понятия не имеем. Может, за Вратами всех просто испепеляет лазером. Или ещё чем... Я хочу сказать, что...

– Что здесь происходит?!

Я дёрнулся, вскочил от неожиданности, как будто меня застучали за чем-то неприличным. Совсем вскочить не получилось – врезался в стол и рухнул обратно. Опять подвела «обтяжка». Завертел головой.

По лестнице с четвёртого яруса быстро бежал персонаж, который здесь казался совершенно неуместным. Это был толстый и низкорослый мужичок лет пятидесяти. Я легко мог бы представить его в сшитом на заказ костюме. Но он был во «второй коже». Только.

– У-у-у, – протянула Лин, тоже через плечо глядя на эту сцену. – Хреново дело. Испытание-то уже сейчас начнётся. Вот, кстати, почему я не ленюсь вставать ночью и заглядывать в пустые комнаты, парни! – наставительно сказала она своим. – Чтобы не получалось вот такой вот хрени.

«Вот такая вот хрень» докатилась до конца лестницы и бросилась к столам. Щёки смешно тряслись, однако никто не смеялся.

– Что здесь происходит?! – брызгая слюнями, орал мужик. – Где я? Вы соображаете, кто я такой?

Из-за стола поднялся Минк. Кулаком вытер рот, прямо посмотрел на толстяка.

– Присаживайся, друг, – сказал он. – Поешь.

– Я тебе не друг, дубина! Это ты здесь главный?!

– Здесь главных нет.

Всё-таки первое впечатление о Минке было обманчивым. Несмотря на свой людоедский вид, он был очень спокойным. Если бы даже ко мне так обращались, я б уже начал по-другому отвечать.

– Нет главных? О, отлично! Анархия, да? Мне нужен телефон. Я должен немедленно позвонить, и вам лучше прямо сейчас начинать молиться, чтобы...

Вообще-то мужик кричал на английском. Но я это даже не сразу понял. То, о чём говорил Сайко, работало. Весь мой словарный запас английского всплыл из подсознания и прекрасно работал в фоновом режиме. Может, это «вторая кожа» так действовала, кто её знает.

– Мужик, нет здесь никакого телефона! – повернулась к нему Лин. – Послушай, что тебе умный человек советует: сядь и ешь. Только сделай одолжение – садись подальше. А то у меня от твоего выхлопа промилле повышается. Что до обеда как-то неприлично.

Лин была права. Фонило от дядьки безбожно. И штормило его тоже отчаянно. Он был даже не с бодуна, он был просто в говно, будем называть вещи своими именами. Поглядев на Лин красными глазами, он выдал такое, что я не выдержал и таки встал.

– Так, – сказал я. – Ты...

– Нет! – схватила меня за руку Лин. – Крейз – нет.

Что-то в её голосе слышалось... Что-то более весомое, чем обыкновенное «не надо меня защищать, я совсем не обиделась». Я вдруг понял, что мне действительно не стоит влезать в конфликт с этим мешком дерьма. Что чем-то это будет чревато.

Но отреагировать я вообще никак не успел. За спиной бухаря стало происходить нечто, привлекавшее всеобщее внимание. С мягким гулом небольшой участок пола разделила полоса. Как будто две створки разъехались в две стороны, а вместо них поднялась снизу площадка, которая ничем не отличалась от пола, кроме забавной мелочи.

Кубическое возвышение, на котором стояла золотая чаша с множеством резных фигурных ручек. Вокруг чаши как будто плавала какая-то дымка. В мгновение ока эта дымка обрела очертания. Вокруг чаши плыли медленно призрачные мечи, топоры, арбалеты, сабли...

– Доорался, поздравляю, – сказала Лин, поднимаясь. – Испытание началось. И теперь, мой безымянный друг, делай быстро и чётко то, что будет сказано.

Здравствуй, друг!

Пришло время твоего Испытания.

Подойди к чаше, выбери то оружие, которое подскажет тебе сердце.

Докажи, что ты его достоин.

Останься в живых.

Победи.

Удачи!

Глава 6

Если до сих пор я считал всё происходящее вокруг более-менее реалистичным, то сейчас, глядя на эти не то голографические, не то магические оружия, усомнился в собственном здравомыслии.

Слишком уж много всего и сразу. Другой мир? Ок. Буквы в голове в определённых местах? Ладно. Распределяющая силу «вторая кожа»? Чёрт с вами, съедим и это. Даже и способность мгновенно изучать иностранные языки я готов принять. Но всё, по ходу, только начиналось. И вот теперь передо мной вращалось оружие.

– Бегом, – процедила Лин сквозь зубы. – Крейз, хотя бы ты не тормози!

Я сделал шаг вперёд, остановился. Где-то рядом со мной тяжело дышал не назвавший имени толстяк. Широко раскрытыми глазами он смотрел туда же, куда и я. Смерд, исходивший от него, правда разил наповал. Хорошо хоть он в душ сходил. Если б не сходил – стоял бы тут вообще голым. А он как-то «обтяжку» надел.

Так, ладно, чёрт с ним, с толстяком. Выбрать оружие. То, которое подскажет сердце. Ну, сердце? Скажешь чего-нибудь, нет? Как тебя вообще слушать-то?

Оружие медленно вращалось. Вот мимо пролетел прямой европейский двуручный меч. Я представил, как размахиваю им, сокрушая каких-то абстрактных врагов. Поморщился – нет, не моё. Что-то вроде катаны – подписей над единицами оружия не было, и на том, как говорится, спасибо шизе, что не полная.

Катана мне тоже не понравилась. Хрен знает, как там это сердце слушать, но махать мечом мне почему-то не хотелось совершенно. Так же я пропустил лук со стрелами. И на миг отвлёкся, потому что толстяк, что-то выкрикнув, схватил забракованную мной катану.

Реально схватил. Как только он коснулся рукоятки, меч перестал быть прозрачным. Толстяк держал в руке реальное оружие.

– Крейз! – сдавленно прошипела у меня за спиной Лин.

Да блин! Почему никто не предлагает АКМ?! Впрочем, меня бы и «беретта» устроила. Что-нибудь реальное, а не вся эта фигота из детских комиксов. Вообще, как-то неправильно всё сделано. Сначала бы показали, с кем драться предстоит, а потом уже – оружие выбирать. При чём тут вообще сердце? Если на меня кинется, допустим, какой-нибудь тролль с каменной шкурой, я дико пожалею, что не взял лук, потому что глаза – его единственное уязвимое место.

А-а-а, чёрт, хватит уже думать, Крейз, действуй!

Я схватил первое же оружие, которое почему-то не вызвало у меня отторжения.

Это был топор. Красивый двусторонний топор, лезвие блестело, как серебряное, а полированная до блеска длинная рукоятка совершенно не скользила. Топор лёг в руки как родной.

И остальное оружие тут же исчезло.

– Удачи, парни! – крикнул кто-то.

Обернуться я не успел. Потому что в этот миг та самая дверь, открывать которую ночью отговорил меня Сайко, открылась сама. У меня на глазах провернулось колесо. А потом дверь с грохотом распахнулась.

Я машинально выставил топор перед собой. Сердце билось часто и тяжело. Во рту пересохло.

Сначала показалось, что ничего не будет. Это были пять секунд ложной надежды и тягостного ожидания. Как будто кто-то медленно и с наслаждением вытягивает из тебя жилы, наматывая их на катушку.

Но вот послышался сдержанный рык, и из тьмы, сгустившейся за дверью, вышел...

– Ч-ч-ёрт, – прошептал я.

Практически одновременно со мной толстяк произнёс слово на букву «f».

Это был человек и в то же время не человек. Он должен был быть мёртв, потому что с такой степенью разложения, если не ошибаюсь, даже прокажённые уже не живут.

Рубаха и штаны висели на нём клоками.

В щеках прогнили дыры, глаза были блевотно-жёлтого оттенка, в них даже не было зрачков. Седые волосы отросли до плеч. На пальцах почти не осталось кожи и плоти, существо щёлкало ими друг о друга, издавая ужасающий звук – клик-клик, клик-клик... Как будто кто-то взял в руку несколько шахматных фигур и поигрывает ими. Почему-то именно такая ассоциация у меня возникла.

Легко сказать: «зомби» или «оживший мертвец». Увидеть – это совсем другое. Когда эта тварь стоит перед тобой, ярлыки из головы как-то исчезают.

Шатун – теперь до меня дошёл тонкий юмор, с каким местные прозвали этих тварей – с шумом втянул воздух ноздрями. Голова его дёрнулась, невидящие (наверное) глаза уставились на меня.

Я сильнее стиснул рукоять топора. Спокойно, Крейз. Окей, это – зомби. Они ведь двигаются медленно, так? Они еле волочат ноги, бредут, вытянув руки перед собой, и стонут: «Мозги! Мозги-и-и!» Ведь так же, да?..

Одним стремительным движением шатун оказался на карачках. Я этого вообще не ожидал, потому растерялся и не сразу отреагировал, когда он огромными скачками понёсся ко мне, словно собака, которой крикнули: «Фас!»

Я заорал.

Возможно, моя растерянность сослужила мне добрую службу. Потому что сориентировавшись я чуть раньше – попытался бы отскочить или бросился бежать. Тогда эта тварь наверняка бы меня настигла и растерзала в клочья.

Но когда я обрёл способность действовать, отпрыгивать было поздно. Оставалось только воспользоваться этой штуковиной, которую я держу перед собой, хочется верить, не для красоты.

И я шагнул вперёд, вкладывая в удар вес всего тела.

Шатун прыгнул одновременно с замахом. Я моргнуть не успел – лезвие вонзилось в грудную клетку. Руки ощутили удар и погасили его. То ли «кожа» так удачно распределила и погасила импульс, то ли шатун основательно выгнил и был лёгким.

И тут, как и тогда, в коридоре, у меня подкосились ноги.

Вскрикнув, я упал на колени. Шатун всё ещё был насажен на мой топор. Я вцепился в рукоять мёртвой хваткой. Эти плюс-минус полтора метра были всем, что отделяло меня от смерти.

Шатун, рыча, рвался вперёд. Я давил на топор, который медленно погружался в гнилую грудину. Шатун не испытывал боли, его полностью устраивал вариант, при котором он бы лишился грудины как таковой, развалился пополам, но – добрался бы до меня.

А мне предстояло выйти за рамки человеческих возможностей. Я знал, что нужно сделать. Нужно выдернуть топор из груди шатуна, размахнуться и снести ему бошку. Чёрт знает, правда ли все эти выдумки насчёт головы, но одно точно: без головы ему жрать меня будет нечем.

Попробуй, проверни такой финт, когда единственное, что отделяет тебя от клацающих челюстей зомби – твой топор, в который ты вцепился мёртвой хваткой. Вот это и называется – «выйти из зоны комфорта», чёрт побери.

Давай, Крейз! Давай, твою мать, сейчас или никогда!!!

Я заорал снова, на этот раз – до хрипоты. Рванул топор на себя. Шатун потерял равновесие, но падал-то он на меня, так что его всё устраивало.

Короткий замах – удар!

Не совсем как хотелось, удар пришёлся в висок, практически плашмя. И всё-таки он дал мне возможность подняться на ноги и занять боевую стойку.

«Не надо так больше! – заклинал я „вторую кожу“. – Не надо ничего распределять, мать твою так! Дай мне самому справиться, иначе мы сейчас тут содохнем вдвоём, я и моя вторая кожа!»

Шатун устоял на меня. Дыра в его груди, словно ещё один рот, открывалась и закрывалась. Там двигались кости. Я не сомневался, что тварь сумеет откусить мне руку даже этим дополнительным «ртом». Безумие какое-то, боже, пусть это уже закончится!

Тварь дёрнулась ко мне. Я ударил топором, на этот раз удачнее, сверху вниз, наискосок. «Вторая кожа» вняла моей мольбе, и я остался с той силой, которая была мне отпущена изначально. Может, её бы и не хватило, чтобы перерубить живого человека, особенно какого-нибудь бугая вроде Минка. Но гниющему мертвецу оказалось за глаза.

Лезвие прошло через ключицу и вышло в районе тазобедренного сустава. Легко так вышло, будто сквозь масло пролетело. Шатун не остановился. Я инстинктивно поднял ногу и врезал шатуну в живот пониже разъявленного «рта» в грудной клетке.

Вот когда сказал огромное спасибо за ботинки. Под жёсткой подошвой что-то отчётливо хрустнуло. Шатун взмахнул руками и повалился на спину. Падая, он разделился на две неравные части по диагонали.

Части упали на пол, задёргались. Верхняя половина издавала бурляще-рычащие звуки, колотила руками по полу, но подняться не могла. Ноги без толку колотили по полу пятками.

Только сейчас я ощутил, какое зловоние исходит от этого существа. Меня чуть не вырвало прямо на него.

– Голова! – услышал я крик.

Повернул голову, увидел Дуайна. Парень стоял на скамейке и отчаянно жестикулировал, поднимая и опуская руки, как будто что-то рубил.

– Давай! – крикнул он. – Собери яйца в кулак и прикончи эту хрень!

– Вали его, Крейз! – присоединилась к Дуайну Лин. – Один удар, всё уже закончилось!

Я медленно повернулся к поверженному мертвецу. Адреналин разом исчез из крови, я ощутил чудовищную усталость, которая удивительным образом мешалась с ужасом.

Давай, Крейз. Один удар. Знаю, что не можешь. А ты – через не могу.

Я переступил через сучащие ноги, миновал скребущую по полу руку, остановился. Поднял топор.

И, стиснув зубы, опустил.

Гнилая длинноволосая башка отделилась от тела, покатила прочь. Руки и ноги перестали дёргаться в то же мгновение.

Вот теперь всё действительно закончилось.

Здравствуй, друг!

Ты прошёл Испытание, теперь ты один из нас.

Отныне ты можешь с полным правом называть себя Избранным.

Выбери свою пятёрку. Эти люди станут твоей семьёй.

Они никогда тебя не оставят. Ты никогда не оставишь их.

Вы покинете этот уровень либо вместе, либо никак.

Всегда забирай тела своих братьев и сестёр с поля боя.

Избранное тобой оружие отныне принадлежит тебе.

Испей из чаши, выбери свой путь.

Ты раскроешь новые силы и способности.

Используй их, чтобы перевести семью через Врата на второй уровень.

Удачи!

Я тряхнул головой, буквы исчезли.

Я стоял с опущенным топором, тяжело дыша, и смотрел на гнилые останки. Не сразу различил звуки.

Звуков было, по большому счёту, два. С одной стороны мне хлопали и кричали что-то ободряющее. Все сто с лишним человек аплодировали, как один. Я тупо смотрел на них и не знал, что сказать, пока не дошло, что я слышу и другие звуки.

Я медленно повернулся и приоткрыл рот.

Толстяк, про которого я совсем забыл, лежал на полу, на спине, раскинув руки в стороны. А второй шатун по плечи забрался в его брюхо и жрал.

Второй шатун, которого я даже не заметил...

Толстяк был мёртв, окончательно и бесповоротно. Я не строил иллюзий насчёт спасения его жизни. Но нельзя же было просто стоять и смотреть, как человека жрёт эта inferнальная мразь.

Я шагнул в их сторону, поднимая топор.

– Крейз, нет!

– Не надо, Крейз!

– Остановись, стоп!

Какой ещё «стоп»? Вы совсем сдвинулись?! Что бы тут ни происходило, я пока ещё в своём уме, и я не буду спокойно наблюдать за грёбаным каннибализмом. У меня всё ещё есть топор, и руки ещё помнят, как это делать.

Шатун почувствовал моё приближение. Резко вскинул голову, повернул её так, что хрустнули позвонки. Похоже, он сам сломал себе шею. Только это был не «он», а «она». Гниющее лицо сохранило женские черты. Когда-то она была, наверное, красивой.

Лезвие топора свистнуло, рассекая воздух. Я почти не ощутил сопротивления. Просто голова подлетела и, упав, покатила по полу в сторону открытой двери.

Сделалось тихо. Обезглавленное тело рухнуло в кровавое месиво, в которое превратился живот толстяка. Я поспешил отвернуться. Сделал пару шагов в сторону и замер, шатаясь. Я стоял перед чашей со множеством ручек.

Здесь ты выберешь свой путь.

Ты должен взяться за две ручки.

Определи свои сильные качества.

Слон – сила

Обезьяна – ловкость

Тигр – скорость

Собака – смелость

Змея – хитрость

Птица – свободолюбие

Черепаха – мудрость

Рыба – хладнокровие

Я тупо уставился на чашу. Внутри неё было что-то чёрное, густое. Взяться за две ручки...

Понять бы ещё, чего от меня ждут конкретно. Что значит «определи свои сильные качества»? В смысле, которые уже есть? Или то, что я выберу, во мне каким-то образом «прокачается»?

– Давай, Крейз. – Лин приблизилась к чаше с другой стороны. – Кто ты? Какой ты? Или, может быть, каким ты хочешь стать? Задай себе правильный вопрос и сделай выбор.

Ладно, дайте подумать. Сила? Ну, не силач я, это к гадалке не ходи. Не представляю себя кем-то типа Минка. Ловкость? Это пожалуй, это то, что мне нужно. Скорость? А это не то же ли самое?.. Нет, пожалуй, не то же.

Шатун двигался очень быстро, но я сумел его одолеть. Вот только не сказать, что получилось это ловко. Смелость... Нормально всё у меня со смелостью, штаны сухие. Хитрость – какое-то неприятное качество. Хладнокровие – вроде бы ничего, но его привязка к рыбе как-то напрягает.

Мудрость я, подумав, тоже отклонил. Слишком непонятно. Что такое мудрость? Какие-то левые знания, которые волеются мне в голову? Или прокачанный ай-кью? Нет, хватит уже лезть мне в мозг, спасибо.

Я выбрал обезьяну и птицу. Крылья птицы больно врезались в ладонь, когда я подносил тяжёлую чашу к губам. Глотнул раз, другой, третий... Боже, что за дрянь! Похоже на... кровь?

Хотелось отшвырнуть её прочь, но руки не слушались, вообще тело не слушалось. Я продолжал пить до тех пор, пока изнутри не поднялось что-то вроде встречной волны сопротивления.

Резко поставил чашу обратно, перевёл дух. Тыльной стороной руки вытер кровь с губ. Потом поднял топор, который поставил, прислонив к квадратному возвышению.

Взмахнул им. Подбросил, поймал левой рукой. А потом, сам не зная как, сделал нечто невероятное.

Топор будто сам собой провернулся вокруг моей ладони. Я сделал неувловимое движение, не дал ему упасть, подбросил. Топор переместился мне за спину, я ощутил его рукоятку поясницей...

Я вертел его вокруг себя как некоторые умельцы вертят нунчаки, только ещё круче, потому что я к топору практически не прикасался руками. Смутно понимал, что каким-то образом использую баланс оружия, силу тяжести, инерцию. Что ничего в этом «танце топора» нет принципиально неисполнимого, просто для того, чтобы такому научиться, понадобилось бы лет десять тренировок, и непонятно, зачем это нужно.

Выступление я закончил торжественным ударом, рассекающим воздух. Серебристое лезвие свистнуло и затихло. Топор замер у меня в руке.

– That's cool, – сказал Дуэйн. – Really cool.

Я выдохнул. Встретился взглядом с Лин. Она мне улыбнулась:

– Поздравляшки, Крейз! Я в тебе ни на секунду не сомневалась.

– Вот чёртова сучка! – завопил кто-то из толпы. – Она его заранее охмурила, он теперь войдёт в её пятёрку!

Но злости в голосе не слышалось. Скорее – радость и дружеская подначка.

– Кто не успел, тот опоздал, Фальм! – Лин, не оборачиваясь, показала назад средний палец. – Пойдём, Крейз. Тебе нужно отдохнуть. Я знаю, эту хрень не так-то просто переварить. Идём.

Она потянула меня к лестнице. Идти нужно было мимо растерзанного толстяка. Около него топтались двое: парень и девушка, которых я ещё не знал. У обоих были одинаково кислые физиономии.

– Нафига ты второго-то убил? – буркнул парень, искоса посмотрев на меня.

– А что мне было делать? – окинул я парня мутным взглядом.

– Ничего, Крейз. Ни-че-го. – Парень легонько, но со злобой пнул мёртвого толстяка. – Возись теперь с ним...

Девушка присела на корточки и примирительно сказала:

– Ладно тебе, Гайто. Всё равно эта крошка бы его не смогла сожрать целиком. Сопоставь размеры.

Гайто в сердцах сплюнул.

– Я начну. – Девушка простёрла руку над чудовищной раной. – Убери шатуна, пожалуйста.

Гайто отшвырнул обезглавленную тварь в сторону. Девушка закрыла глаза.

– Идём, – тянула меня Лин.

– Что она делает? – спросил я.

– Восстанавливает его.

– Что?

– Исцеление. Регенерация. Как тебе понятнее?

– И что будет? Такой же шатун?

– Нет, просто будет живой толстяк со скверным характером. И ты будешь видеть его унылую рожу до тех пор, пока мы не помашем этому уровню ручкой на прощание. Вспомни буквы в голове: до семидесяти процентов можно восстановить.

Между ладонью девушки и брюхом толстяка засветилось как будто маленькое солнце. Девушка дёрнулась, по её лицу пробежала судорога.

– Она – целитель, – вполголоса говорила Лин. – Такая способность. Здесь у каждого со временем открывается своя способность. Целители – очень полезные ребята. Наш целитель – Киао.

Толстяк дёрнулся, с его губ сорвался едва слышный стон. Тут же девушка опустила руки и открыла глаза.

– Всё, – сказала она. – Кто-нибудь, подмените меня.

Рядом оказался Киао. Он тоже опустился на колени, вытянул свои тонюсенькие руки. Его «солнце» было гораздо ярче. Я воочию видел, как зарастает чудовищная рана, и как плоть медленно покрывает восстанавливающаяся «вторая кожа».

Толстяк рванулся вперёд, заорал.

– Держите его! – неожиданно громким и сильным голосом рявкнул Киао.

Гайто и подросевший Минк прижали толстяка к полу. Киао продолжал «светить» над брюхом толстяка.

– Пошли, – решительно сказала Лин. – Здесь больше не будет ничего интересного.

Я медленно кивнул и повернулся к лестнице. Лин была права. Мне нужно было отдохнуть. Для первого утра в грёбаном бункере впечатлений – более чем достаточно.

Глава 7

Лин накинулась на меня сразу, как мы переступили порог моей комнаты. Так жарко, страстно меня ещё ни одна девчонка не целовала. Дверь захлопнулась – не то сама, не то Лин её толкнула, на это я внимания не обратил. Толчок в грудь – и я упал на кровать.

Стоя напротив меня, Лин расстегнула молнию куртки. Под кутрткой оказалась «вторая кожа».

– Стой, – сказал я.

Если бы не эта обтягивающая хрень, я бы, наверное, не очнулся. Так и плыл бы дальше по течению, к хорошо известной гавани, и всё было бы хорошо...

Но вид чёрной «униформы» живо напомнил, где я нахожусь (невесть где) и зачем (а хрен его знает!). А заодно – и о только что пережитом Испытании.

Прошло всего несколько минут, но этого оказалось достаточно, чтобы переоценить события, посмотреть на них как бы извне. И у меня возникли вопросы.

– Почему все просто стояли и смотрели, как эта тварь жрёт толстяка? – выпалил я.

Теперь и Лин остановилась, прекратила раздеваться. Такие разговоры явно не способствовали атмосфере страсти.

– Может, мы потом об этом поговорим? – предложила Лин. – Тебе нужно расслабиться, выпустить пар.

– Расслаблюсь, когда сам решу, что мне нужно, – отрезал я.

– Тогда не факт, что я буду рядом. Или тебе не привыкать? – усмехнулась фиолетово-лосая стерва.

– Ты мне сказала, что мы здесь все – в одной лодке, – сказал я, упрямо игнорируя подначки. – Ты мне даже не позволила за тебя заступиться, когда толстяк начал гнать. Типа, кругом мир, дружба, жвачка. А потом, когда я попытался хотя бы его труп защитить – меня оставляли. Что происходит?!

Вот теперь в голове всё начинало вставать на свои места. Да, мне хотелось сорвать с Лин одежду, уложить её в койку и «выпустить пар» по полной программе. Но я не считал себя наивным дураком. Переспать – не проблема, не с одной – так с другой. Но для этого нужно хотя бы минимальное доверие, или хоть понимание человека. Следуя этому нехитрому правилу, я ни разу не оказывался в сложной ситуации типа «а пока я спал, она спёрла все мои деньги и свалила».

В отличие от достопамятного толстяка, который сейчас мучительно оживал в столовой.

Сложив два и два, я сообразил, почему этот кадр вывалился из коридора во «второй коже» и в неадекват. Скорее всего мужик, сам того не зная, нашёл «баг в системе». Забухал, заночевал у любовницы (у таких обычно семьи есть, всё культурно). Ночью, небось, встал по нужде, и где-нибудь в дверях сортира его и поймала та же штука, что подстерегала меня за дырой в заборе.

Вот и оказался он здесь в чём мать родила. Пьяный, ни хрена не понимающий. Предложение утилизировать вещи вместо того, чтобы стать этапом адаптации, ввело мужика в ступор – у него ж ничего не было. Шкафчик открылся сразу. Дядька схватил первое, что попало – «вторую кожу». Может, натянул бы и «форму охранника», но опять появившиеся буквы в голове сбили его с толку и ввели в истерику. Вот он и понёсся искать людей и качать права. А тут – ожившие мертвецы...

Короче, хотя типок конкретно неприятный, я ему где-то даже сочувствовал. Уж точно не хотел бы оказаться на его месте – такое себе «доброе утро» после хорошего загула. Можно и вовсе крышей поехать. Впрочем, у него ещё всё впереди. Возвращение с того света добавит шансов на успешный слёт с катушек.

Лин с досадой застегнула куртку обратно. Посмотрела на меня с таким посылом, типа «ты ещё будешь локти кусать».

Да пофигу, я не озабоченный, не страдаю.

– Тот, кто не прошёл Испытание, теряет оружие, не получает способностей. Он не становится Избранным и не входит в пятёрку, – пояснила Лин. – Он может стать только обслуживающим персоналом.

– Это до меня уже дошло, – кивнул я. – Очевидные вещи можно и не объяснять, не с дебилом разговариваешь.

– Крейз, Испытание проходит примерно каждый пятый. Большинство, как этот толстяк, обдываются и тупо ждут, пока их разорвут на части. Здесь ПОЛНО этого сраного персонала! (Она употребила английское слово «stuff», оно звучало в должной мере презрительно, потому что помимо, собственно, «персонала», означало ещё набивку для чего-нибудь, типа подушек или плюшевых медвежат). И они места занимают. Большинство пятёрок недоукомплектованы. Мы просто сидим и ждём у моря погоды, сходя с ума от безделья.

– Так вы стояли и надеялись, что шатун сожрёт больше семидесяти процентов, чтобы толстяк погиб навсегда, а вместо него появился новый потенциальный боец? – спросил я напрямую.

– Ну... Когда ты так об этом говоришь, звучит стрёмно, – согласилась Лин. – Но давай ты подумаешь о том, что ты здесь ещё и суток не прожил. А я торчу почти год. Представь, как ты взвоешь, если проживёшь год здесь, видя одни и те же стены, нося одну и ту же одежду и наизусть зная, в какой день какую жратву тебе подадут в столовой!

Я пропустил её доводы мимо ушей. Глядя в глаза, спросил:

– А если бы я не прошёл Испытание – ты бы точно так же стояла и смотрела, как эта тварь жрёт меня? Или отвернулась бы?

Лин отвела взгляд, приоткрыла рот, но не успела собраться с мыслями. Да я и не ждал ответа, понял уже всё, что хотел.

– Пошла отсюда.

Я встал, указал на дверь. Лин изумлённо посмотрела на меня.

– Что?

– Вон из моей комнаты, я сказал!

– Крейз, ты...

– Тебе помочь?

Лин шарахнулась от меня так, будто я в самом деле ударил бы её. Приоткрыла дверь, но задержалась на пороге. Сверкнула на меня глазами:

– Успокойся, ухажу. Просто запомни ещё одно...

– Ты медленно уходишь, – перебил я.

– Не вздумай кого-нибудь ударить или убить. Кто-нибудь может попытаться тебя спровоцировать – игнорируй. Здесь просто не всем уже хочется жить. Не веришь мне – зайди в тренировочный зал, ты его видел, недалеко от душевых...

Оборвав саму себя, Лин выскользнула в коридор. Дверь за ней захлопнулась.

Я от души выругался и заметался по комнате. Эмоции переполняли.

Лин была права: разумно было бы сначала выпустить пар, а уже потом начинать этот разговор. Сейчас же внутри меня бушевала гремучая смесь из страха, ярости, отчаяния, ненависти и неудовлетворённого желания.

Я для них – способ выбраться. Куда выбраться – они даже сами не знают. Персонала у них много, и они спокойно смотрят, как мертвецы жрут людей. Наложением рук возвращают людей с того света. Куда я попал?! Что это за трэш творится, и какова вообще цель всего этого, и...

Тут я запнулся обо что-то и, остановившись, уставился на грохнувшийся на пол топор. Поднял его.

– ...и я только что своими руками зарубил двух живых мертвецов, – сказал я так, будто топор мог меня услышать и сказать в ответ что-нибудь нейтрально-утешительное, типа: «Бывает, бро. Такая фигня...»

Рукоятка коснулась моего запястья. Оно высунулось из рукава куртки, обтянутое «второй кожей». И прямо на моих глазах топор исчез. Не просто испарился, нет. Он вполне ощутимо «всосался» мне в запястье.

Сложно описать человеку, никогда не испытывающему такого, что это значит – когда тебе в запястье всасывается топор. Непередаваемые ощущения.

– Да твою-то ж мать, – прошептал я.

Нашёл в карманах перчатки, надел их. Поднял правую руку, нерешительно сжал в кулак, но не до конца. И вздрогнул – топор просто появился в руке, я ощутил его приятную тяжесть, которой только что не было.

Моргнул, отдавая по нервам приказ «убрать», и топор вновь исчез, на этот раз моментально втянувшись в перчатку.

Вот так вот, можно всегда и везде носить с собой оружие и при этом – не носить с собой оружия. Лишний повод как можно реже снимать «вторую кожу».

И повод задуматься: а не рехнулся ли я целиком и полностью? Потому что бункер с ожившими мертвецами – это ещё куда ни шло. Но оружие, которое «впитывается» в одежду – это уже вообще другой уровень.

Глава 8

В комнате я и часа не высидел. Чего там, собственно, сидеть? Чего дожидаться? Естественной смерти от голода и жажды? Хотя нет, от жажды – это мне не грозит, раковина в комнате есть.

Я открыл кран, глотнул воды – абсолютно безвкусная – и посмотрел на себя в зеркало. – Добро пожаловать на работу, охранник, – фыркнул я.

Это меня мама так иногда пугала. Мол, будешь фигово учиться – будешь всю жизнь охранником работать. Видела бы она меня сейчас... Интересно, мои успехи в учёбе хоть на секундочку волновали тех, кто принял решение выдернуть меня в Место Силы из родного мира?

Я вышел в коридор. Часть дверей так и стояла нараспашку, часть была закрыта. Я прошёл мимо, не глядя по сторонам. Чего пялиться, у всех всё одинаковое, я уже видел. Открыл дверь с колесом – в этот раз не упал, хотя колесо провернулось легко. Видимо, успел адаптироваться ко «второй коже».

Только сейчас обратил внимание, что до сих пор в перчатках. В них я и умывался, оказывается. Буквы были правы: скоро вовсе перестану замечать этот апгрейд. Даже не знаю, хорошо это или плохо.

В душевой шумела вода, двое голосов о чём-то переговаривались, третий пел песню на непонятном мне пока языке. Я прошёл мимо и свернул в тот зал, который обнаружил ещё ночью. Сейчас там горел свет и происходило кое-что интересное. Грохот слышался издалека.

Двое парней ожесточённо размахивали прямым мечом и катаной. От скорости, с которой они пытались друг друга убить, у меня в глазах зарябило и пересохло во рту. Представил, что на меня кто-то бросится вот так... Блин, да я ж секунды не продержусь, меня просто в фарш изрубят, я даже боли почувствовать не успею – только то и утешает.

Звон и лязг стояли такие, что я даже собственных мыслей не слышал.

Парни стремительно перемещались. То один теснил другого, то другой – первого. Я узнал в одном из них Гайто – того, который сказал, что мне нужно было делать «ни-че-го» по поводу шатуна, пожирающего труп.

В столовой Гайто был в форме, как все, но сейчас на нём была только «вторая кожа». Как и на его сопернике, имени которого я не знал. Гайто дрался катаной.

Заинтригованный зрелищем, я шагнул внутрь и в сторону, так, чтобы оказаться от бойцов как можно дальше и не маячить на периферии. А то зацепят ещё. С одной стороны, Испытание я прошёл, можно немного расслабиться, а с другой – воскресать, как тот толстяк, желания не было абсолютно.

Стоило мне войти, как накатила уже привычная темнота с буквами.

Здравствуй, друг!

Место Силы хранит своих Избранников.

Но и тебе нужно научиться ценить человеческую жизнь.

Воздержись от драк и убийств.

Наказание будет жестоким и страшным.

Ты находишься в одном из мест, где разрешены тренировочные поединки.

Двое заходят добровольно. Двое выходят.

Цени чужую жизнь, как свою.

Эти люди – твои друзья.

Часть из них – твоя семья.

Подружись с ними.

Удачи!

Я тряхнул головой, тьма рассеялась, а прочитанные слова навсегда осели в памяти. Так же, как запоминались слова иностранных языков.

Очнулся я как раз вовремя – Гайто нанёс быстрый колющий удар. Второй парень попытался его отвести – не успел. Катана с хрустом вонзилась ему в грудь.

Парень вскрикнул. Гайто рывком выдернул катану, сделал стремительную «вертушку» и врезал с ноги парню в лицо. Тот отлетел почти к дальней стене.

– Фигня твой обоюдоострый, никаких преимуществ! – весело сказал Гайто, будто обо-
гнал друга в гоночном симуляторе.

Потом он повернулся ко мне и с улыбкой вытер катану о «штанину».

– Крейз, да? – кивнул Гайто, не ожидая ответа. – Отлично разобрался с шатуном. По-
моему, я такой чёткой работы от новичка не видел ни разу. Ты видел, Скрам?

– Ничего особенного, – проворчал лежащий на боку Скрам. – Подумаешь. С одним шату-
ном разобраться и ребёнок сумеет.

– А, не обращай на него внимания, – махнул рукой Гайто; катана всосалась в его перчатку
так же, как это делал мой топор. – Он просто бесится, что опять продул. Не умеет пацан про-
игрывать. Он, знаешь, из тех ссыкунишек, которым надо, чтобы всё в руки само падало. Бабло,
девки, победы. Потому что он – Избранный. Слышь, Скрам, ты когда сюда попал, наверное,
чуть не обделался от радости, думал, сейчас гарем соберёшь, супергероем станешь?

– Гайто, иди в жопу! – вяло крикнул пронзённый насквозь Скрам. – Если ты такой крутой,
тогда почему всё ещё откисаешь на первом уровне?

– Брат, я не говорю, что я крутой. Я просто говорю, что ты – лузер и дрочер.

Скрам, не поднимаясь, швырнул в Гайто мечом. Гайто легко, со смехом уклонился. Снова
обратился ко мне:

– Не заморачивайся, это мы так развлекаемся. На самом деле мы со Скрамом – большие
друзьяшки. Да, Скрам?

– Я твою мать имел, – отозвался Скрам.

– Видишь, какой нежный и очаровательный пацан! Крейз, ты не мог бы...

Гайто сделал рукой жест, типа «свали в сторонку». Я шагнул влево и обнаружил, что
за моей спиной лежат два комплекта аккуратно сложенной формы. Гайто принялся одеваться.

– А зачем вы?... – спросил я.

– Зачем раздеваемся? – уточнил Гайто, натягивая штаны. – Всё просто. «Обтяжка», если
что, зарастёт, а шмотьё – ни хрена. Беречь надо вещи, тебя разве мама не учила?

– Тебя твоя мама, можно подумать, учила чему-то, кроме того, как на углу деньги зара-
батывать, – прокряхтел, вставая, Скрам.

Рана в груди затянулась. Ну, во всяком случае, на «обтяжке» не было даже прорехи. Хотя
Скрам всё ещё морщился и потирал то место, куда минуту назад вошла катана.

– А нам не надо кого-нибудь позвать? – спросил я.

– Кого? – Уставился на меня Гайто снизу вверх (он шнуровал ботинки). – Кого-нибудь
из взрослых? Классную руководительницу? Полицейского? Мистера Пропера?

– Ты понял, – поморщился я и помахал в воздухе руками, как это делали Киао и та дев-
чонка, имени которой я не знал.

– Целителя? – удивился Гайто. – Этому тьюфяку? Было б на что ману тратить.

Ману? Какую ещё, нахрен, ману?! Этого в мануале не было.

– Сам оклемаюсь, – вмешался в разговор Скрам. Он подобрал свой меч и абсорбиро-
вал его так же, как Гайто – катану. – Целители просто ускоряют процесс. Там, в столовой...
В общем, если б не они, эти потроха бы провалились до обеда, а в обед начали бы выть от боли.
Такое себе музыкальное сопровождение для приёма пищи, не рекомендую.

– Это точно. – Гайто переключился на второй ботинок. – Скрам предпочитает серьёзную музыку. Академическую музыку. Я иногда напеваю ему что-нибудь типа «Anarchy in U. K.» или «London calling».

– Гайто, прикрути уже фитиль, а? – рявкнул окрепшим голосом Скрам. – Не доводи до греха.

– Да ладно. Мне кажется, мы тут все уже засиделись. Может, дадим Месту Силы повод нас чуток взбодрить?

– Главное меня в это дерьмо не впутывай.

Скрам подобрал свою одежду и вышел из зала.

– Как приличная проститутка, – усмехнулся ему вслед Гайто. – С одеждой в руках – за дверь. Так и вижу, как стоит там и пересчитывает деньги, волнуясь, не обманули ли.

Я рассмеялся. Не бог весть какая шутка, но Гайто фонтанировал ими с завидным постоянством и просто продавил уже какой-то клапан.

– Выбрал пятёрку? – спросил Гайто, поднявшись и расправив плечи.

– Присматриваюсь, – пожал я плечами. – А зачем это всё? Ну, что мы будем делать, в этих пятёрках?

– Не буду спойлерить, братан, – хохотнул Гайто. – Вступишь – узнаешь.

– Тут у всех на всё один ответ, как я погляжу... А что вообще делать? Чем вы тут... занимаетесь?

– В смысле, чем заняться Избранному, который не вступил в пятёрку? – Гайто задумался. – Ну... Можешь найти кого-нибудь и потрахаться. Можешь найти кого-нибудь и порубиться с ним в этом зале. Можешь даже найти кого-нибудь, с кем сможешь порубиться и потрахаться в этом зале. Ещё можно спать и жрать. Вроде всё, других развлечений здесь я не видел. Найдёшь шахматы – свисти.

Подмигнув на прощание, Гайто вышел из зала, оставив меня в одиночестве и задумчивости.

До какой же степени хреново то, что находится там, в туннелях, если эти ребята воспринимают как развлечение возможность кромсать друг друга мечами?..

Глава 9

Гайто был прав.

Никаких развлечений или хотя бы чего-то подобного в Месте Силы не было. Все просто слонялись без дела, в основном – в общем зале, который я уже не решался назвать столовой. Столы-то оставались, но никто не ел, все просто сидели, стояли, бродили, болтали.

Я стоял у перил на третьем ярусе и наблюдал за жизнью этого муравейника. Муравейника, который отныне должен стать моим домом.

Быстро определил тех, чья жизнь имела какой-то видимый смысл. Ребята из обслуживающего персонала – машинально я называл их «стаффами», подцепил от Лин, – выходили в зал только с заранее определённой целью. Кто-то мыл пол, кто-то катил тележку с бельём. Кто-то протирал столы.

Мне казалось, что от большинства этих действий нет никакого толку – ну, пол и так был не сказать чтоб грязный, – просто стаффах нужно было чем-то заниматься, чтобы не слететь с катушек.

Наблюдая за ними, я быстро определил, где находится кухня, где склад с тряпьем, где кладовая, подсобка, общий туалет.

Заметил, что «Избранные» – те, что прошли испытание, – общим туалетом не пользуются. Ходят к себе в коридоры. Что это? Тоже правило, или, типа, неуставная иерархия?

– Постигаешь?

Я покосился вправо, узнал Сайко. Парень, который дал мне ночью батончик. Ничего плохого мне не сделал, даже наоборот.

– Ну, вроде того, – отозвался я. – И что, так каждый день? Реально?

– Каждый день – как? – Сайко повернулся к залу спиной, оперся о перила. – Имеешь в виду скуку? Тоску? Уныние?

– Угу.

– Смотря с какой стороны посмотреть. Видишь вон тех ребят? – Он указал большим пальцем себе через плечо. – Пятёрка Бешеных Псов. Они не скучают. Ждут полудня, тогда откроется дверь, и ребята получают очередной шанс выйти на второй уровень. Остальные будут делать ставки.

– И что ставить? – фыркнул я.

– Забавно спросил. Валюта тут одна – люди.

– А?! – удивился я.

– Никакой работоторговли, никакого насилия, расслабься, – улыбнулся Сайко. – Большинство пятёрок недоукомплектованы. Каждый ставит себя. Проиграл – перешёл в пятёрку выигравших. Ускорил свой шанс, можно сказать.

– Как-то непонятно, – признался я. – А если выигравших несколько?

– Тогда идут к тому, кто больше нравится. Я же сказал – никакого насилия.

– Всё равно тупость, – не сдавался я. – Если много недоукомплектованных пятёрок, то почему бы не переукомплектоваться? Пусть пятёрок будет меньше, но... – Я попытался языком мимики и жеста показать, что зато все люди будут поровну поделены между пятёрками, нужные слова как-то не пришли в голову.

– Гениально, – похвалил Сайко без тени улыбки. – А как по-твоему, эта игра со ставками – она какую цель преследует?

Я прикусил язык.

Ну да, собственно, логично. Не тупая перетасовка, в которой рано или поздно кому-то придётся взять на себя функции руководителя, а более-менее органичный процесс.

– Но ведь всё равно это затягивается, – нахмурился я. – Многие наверное долго сидят без комплекта...

– Многие считают – и, надо сказать, не без оснований, – что лучше посидеть подольше и подождать, пока сюда попадёт кто-то со способностями выше средних. Завербовать его и пройти наверняка.

– Но кто мешает пытаться до того?

Сайко с любопытством на меня посмотрел.

– Крейз, а тебя хоть раз убивали?

Странный вопрос. Хотя конкретно тут – совсем даже не странный, скорее уж будничным, типа «привет, как дела?».

– Нет.

– Вернёмся к этому разговору, когда лишишься невинности.

– Я бы предпочёл остаться девственником, – сострил я.

– Ну, если у тебя получится – я буду за тебя только рад. Но помяни моё слово, Крейз... Тебе придётся умереть и умереть не один раз, прежде чем ты хотя бы поймёшь, что нужно делать, чтобы победить. А потом ты начнёшь этому учиться. Так со всеми. Нас здесь собрали не для того, чтобы дать нам лёгкую жизнь.

Сайко опять повернулся к залу, осмотрел собравшихся. Народу прибавлялось. Видимо, приближался полдень, наступление которого местные обитатели ощущали так же, как иные умельцы чувствуют свою остановку, уснув в наушниках с грохочущей музыкой в автобусе.

– Есть ещё одна валюта, её здесь не признают, но она есть. Только не пытайся ею расплачиваться, её можно только дарить, – сказал Сайко. – Она называется «совет». Ими не разбираются. Дают – береги. Вот тебе мой подарок: твоё Испытание произвело хорошее впечатление. Если захочешь поучаствовать в тотализаторе можешь ставить себя против двоих.

– В смысле?

– Проиграешь – уйдёшь к тому из победителей, кого выберешь. Победишь – и выберешь себе двух бойцов из проигравших. Ставку примут, не сомневайся.

– И что мне делать с двумя бойцами?

– Завербовать ещё двоих и отправляться испытывать судьбу. Своя пятёрка. Не упускай шанса. Потому что после твоего первого выхода в составе другой пятёрки твои акции, скорее всего, упадут примерно в два раза.

– Даже если я соберу свою пятёрку... какие это мне даст преимущества?

Сайко усмехнулся.

– Соображать начал быстро, это хорошо. Математически – никаких преимуществ. Гуманистически – возможность выбора. Наберёшь тех людей, с которыми захочешь работать. Тех, кто тебе симпатичен – если ты глуп. Или тех, кто явно сильнее, быстрее, искуснее других – если ты умен. Беда в том, что у тебя нет времени, чтобы изучить всех, и даже возможности нет. А значит, выбирать сможешь только на глаз. Ладно, сдаюсь, Крейз: никакого смысла. Это просто игра, которая ненадолго занимает умы.

Открылась одна из дверей внизу, и я увидел толстяка. Живого, целого и невредимого толстяка. О том, что он протрезвел, и говорить было нечего. Вёл себя тише воды ниже травы. Толкал тележку вроде той, что я видел у немецкого пацана этим утром, но вместо контейнера на ней стояли два ведра и швабра.

Рядом с толстяком шагала коротко стриженная девушка лет двадцати и что-то ему негромко объясняла. Они двигались к лестнице.

– Уборка, – прокомментировал Сайко. – Здесь у нас всё отлажено. Уборка – в районе полудня, когда в коридорах точно никого. Ты оставил свою дверь открытой?

– Нет, – ответил я.

Как-то непривычно было. Пусть красть у меня нечего, и пакостить мне никто не станет – как мне неоднократно сказала Лин, – всё равно своя комната есть своя комната.

– Зря. Кроме тебя её никто не откроет. Как и твой шкафчик. Ну ничего, уборка каждый полдень. Надеюсь, ты не успел сильно запахкать пол.

Прежде чем я ответил, Сайко легко вспорхнул на перила и повернул ко мне голову:

– А вот ещё один совет, Крейз, ты разоряешь меня. Запомни: ты больше – не человек. И чем скорее приучишь к этому мозг – тем быстрее начнёшь прогрессировать, повышая свои шансы на то, чтобы выйти на следующий уровень.

Сказав это, Сайко прыгнул.

У меня дёрнулось сердце. Я вцепился в перила обеими руками и смотрел, как сумасшедший японец перекувырнулся в воздухе через голову и обрушился на пол.

Не было хруста сломанных ног, не было крови и криков. На Сайко обратили внимание только те, кому пришлось изменить траекторию движения, чтобы не столкнуться с ним. Он приземлился на ноги, кажется, даже не согнув коленей. Повернулся ко мне, подмигнул, поправил фуражку и крикнул:

– Ставлю! «Псы» обделаются.

– Сайко, ты охренел? – заорал кто-то, вскочив ногами на стол. – Ты нас кидаешь?!

– Да мы уже третью неделю сидим втроём, сколько можно сидеть? – махнул рукой Сайко. – Я люблю тебя всем сердцем, Биас, но лучше буду слать тебе лучи своей любви со второго уровня.

Внизу засмеялись. Послышались голоса, начались шевеления. Все разделялись на две половины: тех, кто ставил на «Псов», и тех, кто ставил против.

Я посмотрел на пятёрку, стоящую особняком. На тех, кому сейчас предстояло пойти... куда-то и сражаться, видимо, с теми же шатунами.

Пятеро молчаливых парней. Они стояли спокойно, как будто вообще не замечая суеты вокруг. О чём-то негромко переговаривались – обсуждали стратегию?

И они все были во «второй коже», или, как её тут прозвали, в «обтяжке». Впрочем, одежда тоже была при них. Компактно сложенная, она крепилась на спину при помощи ремней.

Не задав очередную тонну вопросов никому, я понял, что это значит.

Ребята не хотят испортить одежду, которой тут, видимо, дефицит. Но и в шкафчиках или комнатах её не оставляют – потому что не надеются вернуться. Они надеются пройти. Вот такая интересная деталь заставила меня в них поверить.

Резко выдохнув, я вскочил на перила и немного испугался – таким лёгким вышел этот прыжок. Испуг тут же трансформировался в животный страх перед распростёршейся впереди пропастью.

Рухнув с такой высоты, без травм не обойтись, а если ты особо «везучий», то можешь умереть или остаться инвалидом на всю оставшуюся жизнь.

Но я видел, как такой же прыжок выполнил Сайко. И видел, как мёртвого толстяка сделали живым. Всё это не было чьей-то больной фантазией, нет. Это была самая настоящая реальность. Моя новая реальность.

Моё сознание словно бы разделилось на две половины. Одна половина вопила от ужаса, а другая заставила колени согнуться и тут же распрямиться.

Я прыгнул вперёд.

Перевернулся в воздухе и, не успев закричать, только судорожно набрав воздуху в грудь, приземлился.

Это было именно приземление, не падение. Пол мягко, пружинисто толкнулся в жёсткие подошвы ботинок. И – всё. Не веря, я обернулся, вскинул голову и посмотрел на то место, где только что стоял.

Высоко. Охренеть как высоко...

Кто-то присвистнул:

– Вот это отчаянный пацан. В первый день?!

Я открыл рот и, выпуская застоявшийся воздух, хрипло, но громко сказал:

– Ставлю себя против троих: «Псы» пройдут.

Глава 10

Я молчал, успокаивая сердце, бешено бьющееся после сумасшедшего прыжка. Народ задумался. Ребята переглядывались.

За «Псов» были единицы. Ну, ладно – десятка полтора ребят, ни одного из которых я не знал. Видимо, ставить на «проход» – было делом заведомо гиблым. И тут стояли даже не представители конкретных пятёрок, а, наверное, аутсайдеры. Выглядели они, во всяком случае, стрёмно. И, наверное, для них это была единственная возможность войти в какую-нибудь пятёрку: проиграть и сдать на милость победителю.

– Я принимаю! – крикнул Сайко с противоположной стороны зала.

Судя по одобрительному гулу, подхватившему его выкрик, мою ставку приняли единогласно. Один к трём. Ну, наглость – второе счастье, как говорится. В принципе, я был готов уступить.

Знать не знаю, зачем мне собирать собственную пятёрку в самом начале. Логика подсказывает присоединиться к готовой и постепенно разобраться, что да как, а потом уже принимать какие-то осмысленные решения.

Но, с другой-то стороны, ребята, которых я наберу, при любом раскладе будут более опытными, чем я. Как-нибудь разберёмся, где наша не пропадала.

Да и потом – я ещё не выиграл.

– Удачи, пацаны! – крикнул я «Псам» и махнул рукой, прежде чем двинуться к стану голосующих «за».

«Псы» молча проводили меня взглядами. Ни один не сказал ни слова, не помахал в ответ. Будто на самом деле они – уже не здесь. В этот миг я укрепился верой. Что бы это ни было – интуиция, или мистическое озарение, – но оно буквально орало у меня в голове: парни должны победить.

Как только я присоединился к тем пятнадцати, что формально разделяли мою уверенность, что-то негромко загудело – добавило свой гул к шуму вентиляции. Я повернул голову и увидел, как утром, что пол на свободном участке расступается. Выдвинулась такая же платформа, с таким же кубическим основанием. Но теперь чаши на нём не было. Над основанием возникла голограмма, подобная утреннему оружию.

Только вместо оружия в воздухе горели алые цифры.

10

9

8

7...

«Псы» двинулись к знакомой двери. Я, прищурившись, следил за ними. Когда на голограмме единицу сменил ноль, один из «Псов» повернул колесо на двери. Открыл.

Один за другим пятеро смельчаков вышли за дверь, и за их спинами она захлопнулась.

А вместо нуля появились пять одинаковых полосок.

– Пока зелёные – значит, все живы, – сообщил мне чернокожий парень, оказавшийся рядом. – Покраснеет – значит, одного убили. Уже, считай, всё. А если исчезнет – значит, совсем убили...

– Совсем убили, – повторил я. – То есть, больше семидесяти процентов?

– Ага. Нервная работа, – хохотнул парень. – Ладно. Перекусить не хочешь?

Я хотел. Как и обещал ночью Сайко, жрать хотелось. Утром, после испытания, стресс прошёл быстро, а вместо него накатил голод. Как будто и не было тех фаршированных макарон, которыми раньше меня можно было бы на сутки накормить так, чтобы я вообще о еде не вспоминал.

– А есть?

– Пошли.

Парня звали Жаст, и выглядел он лет на двадцать пять. Если странное имя я просто принял (ну, написано ему такое имя буквами в голове, что он поделает), то возраст заинтересовал меня сильнее.

– А по какому принципу нас сюда набирают? – спросил я.

– Хороший вопрос, – сказал с набитым ртом Жаст. – Как встречу набирателя – так сразу у него и спрошу.

Мы сидели в кухне, вокруг нас суетились, готовя обед, штаффы. Примерно пяток пацанов, явно не дотягивающих до восемнадцати лет, столько же девушек постарше и один повар-китаец с изувеченной рукой. На ней не хватало двух пальцев, что не мешало ему тут верховодить. Видать, ещё «по воле» в готовке разбирался.

Лин была права, народу – более чем достаточно. В результате большей частью все просто симулировали занятость, по десять раз протирали один и тот же стальной стол, с повышенной тщательностью мыли посуду. А из разговоров я понял, что существует ещё и «другая смена», может быть, не одна.

Мы с Жастом сидели в углу, так, чтобы никому не мешать. Ели тот же утренний фарш, завернутый в свеженькие лепёшки. Откуда берутся продукты – это мне ещё предстояло выяснить. Мне предстояло выяснить об этом мире буквально всё.

– В Избранных, смотрю, в основном молодые, – пояснил я свой вопрос. – Ну, восемнадцать-двадцать...

– А я – старый, да?

– Я не говорил...

– Расслабься, друг. Я тут три года.

– Сколько?! – вытаращился я на Жаста.

Он грустно усмехнулся:

– Меня считают несчастливым. Многие предпочитают тянуть до последнего, лишь бы не брать меня с собой. Но иногда приходится брать. Несколько раз я собирал свою пятёрку – все от меня разбегаются. Такое чувство, как будто Место Силы имеет что-то конкретно против меня.

Я не нашёлся, что сказать, и Жаст, вздохнув, добавил:

– Никто не знает, как оно выбирает. Что играет роль. В основном – ты прав, восемнадцать-двадцать лет. Но иногда попадают и совсем молодые. Или как тот вчерашний чудила.

Я опять вспомнил толстяка.

– Если хочешь, можешь попытаться создать теорию. Хуже никому не будет, но хоть развлечёшься. Пока тебе интересно, но подожди, вот пройдёт хоть неделя. Увидишь, как здесь скучно.

– Угу, мне намекали, – кивнул я и откусил ещё кусок. Хрустящая лепёшка, сочный фарш... Господи, да я бы, кажется, тонну сожрал!

– Молодняк, в основном, заваливает испытания, – пояснил Жаст то, что я и без него понял. – Остаются в штаффах. Естественный отбор, если хочешь знать, никакой дедовщины.

– Да у вас тут вообще на удивление мирно, – заметил я, вспомнив, как Скрам и Гайто крыли друг друга такими словами, за которые даже у нас на филфаке давно бы разбили нос, как минимум.

– На то есть причины.

– А. То самое «жестокое наказание»? – кивнул я. – А что будет-то? Ну, если я сейчас поставлю подножку вот этому...

Мимо как раз проходил пацан с кастрюлей.

– Не смей! – дёрнулся Жаст и едва не уронил свою «шаурму». – Крейз, богом тебя заклинаю – не надо! Я пережил девять Наказаний...

– О, да ты злой?

– Ты не понимаешь, Крейз. Я тут – мухи не обидел. Это каждый раз были разные люди, каждый раз – новички, которые пытались самоутвердиться. А наказание – одно на всех. Поверь, даже одного раза хватит, чтобы навеки заречься не только бить, но даже и оскорблять людей.

– Оскорблять тоже нельзя? – усомнился я.

– Вообще, можно. Но если ты оскорбишь одного человека раз, два, десять раз...

– Ясно. Он психанёт, кинется на меня, а огребут все.

– Именно, Крейз. Ты быстро схватываешь.

– Да я вообще способный. Но тут все какие-то неразговорчивые. Почему бы сразу не объяснить, какое будет наказание? Я бы сразу испугался и даже мысли не допускал о том, чтобы...

– Нет, Крейз, это не так, – тихо сказал Жаст, глядя в пустоту перед собой. – Слова ничего не значат. Проверили. В пяти случаях из тех девяти драку начинали те, кто знал. Те, кому рассказывали. Это нужно пережить, чтобы понять. А до тех пор – неизвестность пугает больше.

Наверное, в чём-то он был прав. Во всяком случае, у меня от этой неизвестности мороз по коже. Я поспешил дожевать «шаурму», пока не пропал аппетит. А то последний кусок уже валялся камнем в желудке.

– Пошли, посмотрим? – встал Жаст, тоже расправившийся со своей порцией. – Скорее всего уже одна палочка покраснела, и скоро «Псы» вернутся. Войдём в свои пятёрки, Крейз!

Но когда мы вышли в зал, все пять палочек были зелёными. А оставшиеся за бортом Избранные удивлённо переговаривались.

– Долго, – пробормотал Жаст. – Очень...

Шло время. Часов я здесь так и не увидел, но секунды ощущались. Они будто вместе с кровью проносились по венам. Одна за другой, одна за другой...

Я устал стоять и сел. Как будто мой пример заразил остальных – вскоре все скамейки оказались заняты. Те, кому хотелось лучшего обзора, устраивались, скрестив ноги на столах. Стаффов полно, лишний раз протрут, им же в радость – всё не бездельничать. Такой логикой, наверное, руководствовались здесь Избранные. При этом не забывая относиться к стаффам с уважением, чтобы не спровоцировать насилия.

«Идиотизм, – подумал я. – Кино, театр, балет... Да всё нервно курит в сторонке. Полторы сотни человек сидят и, затаив дыхание, залипают на пять зелёных палочек в воздухе».

И вдруг они слились в одно целое. Целое приняло форму зелёного круга и погасло.

– Да не может быть, – сказал Жаст, смешно пуча глаза на пустоту.

Платформа медленно опустилась обратно, пол над нею сомкнулся.

– Это значит, они выиграли? – спросил я.

Жаст перевёл взгляд на меня и медленно кивнул:

– «Псы» прошли на второй уровень.

Глава 11

Толпа лузеров победила.

Это я не о «Бешеных псах», те-то на лузеров уж никак не тянули. Я про парней, которые ставили на их выигрыш.

Судя по их лицам, событие действительно было из ряда вон.

Жаст счёл нужным пояснить:

– Последний проход был почти год назад, Крейз. Год назад!

– Неужели там так сложно? – вспомнил я шатунов, которые спустя время уже не казались такими страшными.

– Сложность в том, что нужно пройти целой пятёркой. Хоть одного убьют – всё, возвращайся.

– А целители?

– Целитель – редкий дар, во-первых. Во-вторых, если целитель даже с шестидесяти процентов починит человека – тот сутки не встанет. Боль, слабость – такое. На себе его волочь – это минус два бойца уже, а не один. Плюс, целитель тоже теряет ману.

– Что за мана? – уцепился я за слово, которое слышал уже от Гайто.

Жаст криво улыбнулся:

– Просто так называем. Можно назвать Сила – это ведь Место Силы. Нас как будто наполняет какая-то энергия, ты почувствуешь. Твои силы, особые способности – это она. Но она же – твоё здоровье. Ты научишься чувствовать и поймёшь. Когда окажешься в тоннелях, и поймёшь, что перед тобой враг, которого ты можешь либо победить и рухнуть рядом, либо попытаться убежать. В такой ситуации лучше беги, Крейз. Твоя победа никому не принесёт пользы, а вот проблем – доставит.

– Ну чего вы там? – крикнул кто-то из проигравшего большинства и хлопнул дважды в ладоши. – Давайте уже, покончим с этим.

Все, включая Жаста, посмотрели на меня. Жаст кивнул:

– Давай ты первый. Трое! Интересно.

– А они не могут отказаться? – спросил я.

– Они должны сходить с тобой минимум в один рейд. Потом – как угодно. Будет зависеть от тебя. И от них.

Я кивнул.

Ладно.

Комплектовать команду на один рейд – так комплектовать как следует.

Допустим, я – ловкий. Хорошо. Но неплохо бы в комплект конкретной силы. Кого-нибудь, кто будет, как асфальтовый каток, укладывать зомби.

– Минк! – выкрикнул я, указав пальцем на здоровяка, с которым познакомился утром.

Толпа одобрительно загудела. Минк двинулся ко мне. Роба у него была всё такая же зверская, но если я хоть что-то понимал в человеческих робах, она пыталась излучать добродушие.

Так-с, хорошо, Минк стоит рядом со мной, уже похоже на команду. Однако этого мало. Значит, Жаст, говоришь, целители – редкость? Учтём этот замечательный факт.

Я хотел выбрать Киао, но в последний момент остановился. Две причины. Во-первых, не хотелось тупо набрать людей из уже готовой пятёрки. Начнут шептаться у меня за спиной. Они, конечно, так и так могут начать, но – всё равно. Лучше уж хоть чуть-чуть всё перетасовать.

Знаю, первый довод был такой себе, потому что против него работала простая истина: «сборная солянка» не сможет быстро «сыгратся» как полагается.

Главным образом сработал второй довод. Та девушка, что начала лечить толстяка, чем-то меня зацепила. Она была такой улыбчивой, миловидной, с белокурыми волосами – куколка, да и только.

– Ты! – хамски указал я на неё пальцем, выследив взглядом в толпе. – Да, ты... Эм... Девушка с длинными белыми волосами.

Поняв, что речь идёт о ней, она как-то по-особенному приятно улыбнулась, потупила взгляд и двинулась к нам.

– Меня зовут Алеф, – представилась она, встав рядом.

– Крейз, – кивнул я.

– Знаю.

Я сосредоточился на лицах остальных. Мысли разбежались. Понимание, из кого нужно формировать команду, отсутствовало напрочь.

– Нужен совет? – тихо спросил Минк, наклонившись ко мне.

– А есть?

– Есть. Понадобится человек, который сможет прикрыть нас во время отхода. Ну, вообще прикрыть. Таких немного. Брайл, Мотс и Сайко – лучше других...

– Сайко, – сказал я, и японец, хлопнув на радостях в ладоши, пошёл в нашу сторону.

Вернее, не пошёл, а покатился колесом, как первоклашка на перемене. Только вот получалось у него это гораздо круче. Я отметил для себя, что надо будет потестировать «вторую кожу» на полную катушку. Трюк со спрыгиванием с третьего этажа очень понравился, но это ведь не предел, так?

Следующим встал выбирать напарника в будущую пятёрку Жаст. Я представил, сколько ему придётся маяться, пока он наберёт полноценную команду, если вообще наберёт. А потом – пойдут в рейд и облажаются... Н-да, нелегка жизнь неудачника. Если коллектив списал тебя в утиль – у тебя серьёзные проблемы.

Я бросил взгляд на своего товарища по шаурме. Тот, вопреки ожиданиям, выглядел воодушевлённым. И до меня тут же дошло, почему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.